

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФГБОУ ВО «УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И СОЦИОЛОГИИ
КАФЕДРА ИСТОРИИ РОССИИ

Направление подготовки: 46.04.01 История
Программа специализированной подготовки магистров: «Отечественная
история» (история России)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему

**Социально-психологическая эволюция естественнонаучной и
технической интеллигенции в СССР в 1960-е – 80-е гг.**

Работу выполнил:

Студент гр. ОМ-46.04.01.01-21

Ломаев Степан Леонидович

Научный руководитель:

д.и.н., проф. Долгов Вадим Викторович

Руководитель магистерской программы:

д.и.н., проф. Долгов Вадим Викторович

Зав. кафедрой:

д.и.н., проф.

Пузанов Виктор Владимирович

(решение о допуске)

« ___ » _____ 2018 г.

Ижевск 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Миф о науке 60-х годов.	19
Глава 2. Антимиф 70-х годов.....	39
Глава 3. Кризис рациональности конца 80-х годов	61
Заключение.....	88
Выводы.....	91
Список источников и литературы.....	92

ВВЕДЕНИЕ

С середины XX века и до распада СССР отечественная наука обладала мощным кадровым потенциалом, благодаря которому достигла выдающихся результатов в естественных и технических науках.

Реформы конца 80-х – начала 90-х годов XX века нанесли значительный финансовый¹, кадровый², социально-политический, профессиональный и моральный ущерб³ естественнонаучной и технической интеллигенции как социальной группе.

Российская наука и сегодня продолжает переживать ряд кризисных явлений, запущенных в конце 80-х годов. Необходимость преодоления негативных тенденций в функционировании современной науки требует осмысления и анализа генезиса причин тех трагических для отечественной науки событий.

Особый интерес вызывает активное соучастие в конце 80-х годов технической и естественнонаучной интеллигенции в процессах создания теоретического обоснования и программы реформ, продвижение идеи реформ в общественное сознание граждан СССР, а также активная общественная и политическая деятельность, направленная на реформирование всех государственных и хозяйственных реформ в СССР.

---

¹ Аллахвердян А. Г. Национальные интересы и принцип «остаточного финансирования» науки — несовместимы // Вестник Российской академии наук. – 2002. – Т. 2, № 8. – С. 675–678.

² Аллахвердян А. Г. Прекратился ли исход кадров науки? // Вестник Российской академии наук. – 2003. – Т. 3, № 3. – С. 205–210.

³ Кара-Мурза, С. Г. После перестройки : Интеллигенция на пепелище родной страны – М.: Былина, 1995.

Трагедия, произошедшая с научным сообществом СССР/России в 90-е годы XX века, поражает не только своей масштабностью, но и совершенной непредсказуемостью для самого научного сообщества.

Редкие голоса, предупреждающие о возможных угрозах, не были услышаны и восприняты академической средой в целом⁴. Увлечшись реформаторской деятельностью и лозунгами об «ускорении» и «новом мышлении», научная среда не идентифицировала и не рационализировала масштаб надвигающихся на неё угроз.

Казалось бы, естественнонаучное сообщество представляет собой социальный институт, чья профессиональная деятельность напрямую связана с рациональным осмыслением явлений природы, формулированием причинно-следственных связей на языке логики и математики. Однако в вопросе обеспечения собственной жизнедеятельности как института естественнонаучная и техническая интеллигенция проявила в 80-е годы патологическую неспособность рационального анализа⁵.

На первый взгляд, это кажется парадоксом: система владеет инструментом рационального познания, система замотивирована на самосохранения и развитие, однако принимает активное участие в процессе собственного разрушения. Налицо кризис рационального мышления научного сообщества 80-х годов в вопросах общественно-политического устройства.

В рамках профессиональной деятельности рациональное мышление интеллигенции сохраняется на высоком уровне, о чем свидетельствуют достижения советской науки в области естественных наук и инженерии в 80-е годы⁶, но при этом утрата рационального мышления в других областях знания⁷.

---

⁴ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М. : Алгоритм, 2013.

⁵ Кара-Мурза С. Г. Потерянный разум. – М. : Алгоритм, 2005.

⁶ Калабеков И. Г. СССР и страны мира в цифрах. Справочное издание – М., 2018. с.

⁷ Кара-Мурза С. Г. Потерянный разум – М. : Алгоритм, 2005.

Мотивацией выполнения данной работы стало желание ответить на вопрос: почему естественнонаучная и техническая интеллигенция СССР в конце 80-х годов активно поддержала реформы, противоречащие её объективным собственным интересам?

Отдельно проговорим, что в данном контексте под формулировкой **объективные собственные интересы** понимается сохранение и улучшение объективных сторон функционирования науки: финансового, кадрового состояния научного сообщества; социально-политического положения научного сообщества в структуре общества в целом; эффективности профессиональной деятельности. Термин **объективные** подчеркивает независимость данного понятия от субъективных представлений технической и естественнонаучной интеллигенции о собственных интересах.

Другими словами тот же вопрос можно сформулировать так: почему в конце 80-х годов субъективные представления технической и естественнонаучной интеллигенции о своих интересах не соответствовали их объективным интересам?

Целью данного исследования является комплексный анализ факторов формирования и динамики развития кризиса рационального мышления технической и естественнонаучной интеллигенции СССР.

Объектом исследования является техническая и естественнонаучная интеллигенция СССР. Предметом исследования является социально-психологическая эволюция технической и естественнонаучной интеллигенции СССР, а также эволюция мировоззренческих установок технической и естественнонаучной интеллигенции СССР.

В работе исследуется несоответствие объективных собственных интересов и субъективных представлений о них. При постановке задач исследования в работе делался акцент на изучение субъективных

представлений и их эволюции в 1960-80е годы. Это было сделано по нескольким причинам.

Во-первых, вопрос об объективных интересах научного сообщества в конце 80-х годов в СССР и об ущемлении этих интересов в 90-е годы в значительной степени исследован. Достаточно широкий обзор по этой теме, а также собственные оригинальные исследования представлены в докторской диссертации Аллахвердяна А.Г.⁸.

Во-вторых, финансовые и кадровые показатели научного сообщества не испытывают в 80-е годы каких-либо аномальных изменений. Следовательно, критическое нарастание разрыва между объективной реальностью и субъективными представлениями объясняется, прежде всего, социально-психологическими факторами.

Исходя из этого, в работе ставились следующие задачи:

1. Исследовать эволюцию субъективных представлений технической и естественнонаучной интеллигенции СССР о себе как о социальной группе.

2. Исследовать влияние этических установок технической и естественнонаучной интеллигенции СССР на особенности рационального мышления и осознания собственных объективных интересов данной социальной группы.

3. Исследовать особенности языка, которым пользовалась техническая и естественнонаучная интеллигенция СССР для описания окружающей социальной реальности. Для анализа социально-психологической эволюции научного сообщества в работе выбран интервал с 60-х по 80-е годы XX столетия.

---

⁸ Аллахвердян А.Г. Динамика научных кадров в советской и российской науке: сравнительно-историческое исследование: середина XX - начало XXI вв. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.10 - Москва, 2015.

Данная работа посвящена исследованию истоков кризиса рациональности и его деструктивных проявлений, следствием которых стали разрушительные процессы 90-х годов. По этой причине верхняя граница исследований ограничивается 80-ми годами.

Нижняя граница ограничивается 1960-ми годами, так как большая доля предпосылок кризиса 80-х формируется и проявляется в 60-е, что будет обосновано в самой работе.

Объектом исследования является техническая и естественнонаучная интеллигенция СССР, поэтому география исследования ограничена территориальными границами Советского Союза в 1960-80-е годы.

Определяющими принципами данного научного исследования являются принцип историзма, предполагающий изучение явлений в их исторической эволюции и оценку каждого явления в конкретном историческом контексте, и принцип многофакторности исторического процесса, предполагающий понимание исторических явлений и событий как результата переплетения социальных, экономических, психологических факторов.

Работа имеет междисциплинарный характер и находится на стыке истории и психологии. Анализ основного объекта исследования выполнен в рамках культурно-антропологического и суггестивного подходов, корнями своими уходящих к работам М. Вебера⁹ и Б.Ф. Поршнева¹⁰ соответственно.

Важным инструментом исследования в данной работе является понятие **мифа** как фундаментальной антропологической категории, которая играет важную роль в современной культуре, выполняя когнитивную, мировоззренческую, аксиологическую и социально-регулятивную функции.

---

⁹ Вебер М. Исследования по методологии наук. – М. : АН СССР Институт информации по общественным наукам, 1980.

¹⁰ Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. – 2-е изд., доп. и испр. – М. : Наука, 1979.

Используемое в данной работе понятие мифа подробно раскрыто в обзорной статье Е.В. Галаниной «Миф как феномен современной культуры»¹¹, базе работ Малиновского Б., Голосовкера Я.Э., Э. Кассирера, К. Хюбнера, К. Леви-Строса, Р. Барта, К. Юнга, М. Элиадэ, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, В.В. Налимова сделаны обобщения понятия миф и выводы о его ролях в современной культуре.

В работе Е.В. Галаниной акцентируется внимание на том, что статус мифа в исследованиях современной культуры не должен сводиться к заблуждению и иллюзорному отражению действительности. Миф выражает экзистенциальную потребность человека в осмыслении и структурировании своего бытия, а также в обеспечении стабильности и постоянства созданного социального порядка.

В настоящей работе исследуются мифы о науке, которые складывались в представлении советского общества в период с 60-х по 80-е годы XX столетия. Структура мифов исследуется в рамках индуктивного подхода, путем обобщения мифологических построений на основании корпуса мифологем, выделенных из анализа исторических источников частного характера: мемуаров, художественных произведений, публицистических статей отдельных авторов, а также из анализа текста партийных программ и докладов государственных деятелей на съездах КПСС. Эволюция мифологических построений исследуется в рамках сравнительного подхода.

Комплексный анализ факторов формирования и динамики развития кризиса рационального мышления технической и естественнонаучной интеллигенции СССР выполнен с помощью историко-генетического метода и социально-психологического анализа.

---

¹¹ Галанина, Е. В. Миф как феномен современной культуры // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 305. – С. 50-52.

Источниковая база данной работы в своей основе состоит из следующих письменных источников:

1. Партийные документы КПСС (текст третьей Программы КПСС, тексты докладов съездов КПСС и докладов на пленумах ЦК КПСС).

2. Публицистика (статьи таких видных деятелей культуры и науки как А.И. Солженицын, А.Д. Сахаров; книги по истории советской науки Ж.А. Медведева; по истории советского общества 1960-х годов П.Л. Вайля и А.А. Гениса; книги по истории СССР С.Г. Кара-Мурзы).

3. Документы личного происхождения (мемуары, автобиографии, воспоминания советских ученых; интервью деятелей науки, культуры, общественных и политических деятелей).

4. Художественные литературные памятники (произведения в жанре научной фантастики советских авторов, тексты песен советских рок-исполнителей).

5. Научные работы, посвященные историческим и социологическим исследованиям общественных, культурных движений в СССР, работы по экономике СССР, по организации научной работы в СССР. Помимо письменных источников в работе использованы видеозаписи интервью деятелей науки, культуры, общественных и политических деятелей.

Для анализа степени разработанности темы исследования удобно поделить работы по исследованию естественнонаучной и технической интеллигенции на два больших блока. Первый блок работ посвящен социально-организационным, второй – социально-психологическим аспектам.

Работы по исследованию социально-организационных аспектов советской науки появляются с конца 1960-х годов. Авторы того времени приходили к исследованию социально-организационных аспектов, изучая

историю той или иной области знания. То есть работы того времени создавались как дополнения к исследованиям по истории науки как системы знаний. Примером такой работы может послужить статья М.С. Бастраковой, посвящённая становлению советской системы организации науки в период 1917-1922 годов.

Подобные исследования по периоду 1950-80-х годов стали появляться в начале 90-х. Для этих работ характерно расширение круга исследуемых проблем, а также методического инструментария и источниковой базы¹², связанное с проведением в послевоенное время новой государственной политики в отношении науки.

Помимо исторических работ, можно также отметить социологические работы по данной теме, сделанные современниками исследуемой в данной работе исторической эпохи, в частности работы по изучению численности кадрового состава советской науки¹³.

На сегодняшний день одним из ведущих отечественных исследователей данной тематики является А.Г. Аллахвердян. В его докторской диссертации¹⁴, защищенной в 2015 году, выполнено комплексное сравнительное исследование социально-организационных аспектов советской и российской науки, включая период 1960-80-х годов.

---

¹² Бастракова М. С. Становление советской системы организации науки (1917–1922). – М. : Наука, 1973; Шокарева Т. А. Кадровый потенциал // Наука в СССР: анализ и статистика. – М. : ЦИСН, 1992. – С. 38–57.

¹³ Зенина М. Р. Материальное стимулирование научного труда в СССР (1945–1985) // Вестник Российской академии наук. – 1997. – Т. 67, № 1. – С. 20–27; Прайс Д. Малая наука, большая наука // Наука о науке. Общая ред. и послесловие В. Н. Столетова. – М. : Прогресс, 1966. – С. 281–384; Кугель С. А., Мелещенко Ю. С., Микулинский С. Р. Научно-техническая революция и изменение структуры научных кадров СССР. – М. : Наука, 1973.

¹⁴ Аллахвердян А.Г. Динамика научных кадров в советской и российской науке: сравнительно-историческое исследование: середина XX - начало XXI вв. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.10 - Москва, 2015.

Из анализа вышеупомянутых работ, и особенно докторской работы А.Г. Аллахвердяна, можно сделать вывод о достаточно высокой степени исследованности социально-организационных аспектов научной деятельности в СССР в период 1960-80-х годов.

Сами по себе данные исследования не дают ответа на вопрос о генезисе кризиса рациональности технической и естественнонаучной интеллигенции СССР в конце 80-х годов. Однако данные исследования легли в основу многофакторного комплексного исследования социально-психологической эволюции технической и естественнонаучной интеллигенции СССР, которая проведена в данной работе.

Блок социально-психологических исследований советской естественнонаучной и технической интеллигенции представлен широким корпусом работ по различным тематикам. Классифицировать данные работы можно следующим образом:

1. Исследования советской интеллигенции СССР, ограниченные временем перестройки (1985-91 гг.). Среди наиболее значимых работ по этой теме можно выделить исследования М. Руткевича¹⁵, И. Журавлева¹⁶, З. Зотовой¹⁷, А. Здравомыслова¹⁸, А. Иванченко и А. Любарева¹⁹, Д. Красильникова²⁰, Ю. Коргунюка²¹. В данных работах изучается социальная

---

¹⁵ Руткевич М. Н. О социальной структуре советского общества // Социологические исследования. – 1999. – № 4. – С. 18-19.

¹⁶ Журавлев И. А. Формирование многопартийной системы в Российской Федерации (вторая половина 1980-х - начало 90-х гг.) : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.01. – Москва, 1993.

¹⁷ Зотова З. М. Политические партии России. – М. : Российский центр обучения избирательным технологиям, 2001.

¹⁸ Здравомыслов А. Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. – М. : Аспект Пресс, 1995.

¹⁹ Иванченко А. В., Любарев А. Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. – М. : Аспект Пресс, 2007.

²⁰ Красильников Д. Г. Власть и политические партии в переходные периоды отечественной истории (1917-1918; 1985-1993): опыт сравнительного анализа. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998.

структуры советского общества, роль отдельных групп населения в социально-политических процессах, в том числе, интеллигенции в период 1985 - 1991 гг. Однако исследователи также обходят стороной проблему изменений социально-психологического состояния интеллигенции и генезис кризисных явлений 1980-х годов в сфере рационального мышления. Обзор данных работ, а также оригинальные исследования трансформации общественно-политического сознания советской интеллигенции в период перестройки приведены в кандидатской диссертации Д. Сазанова²².

2. Исследование отдельных социальных групп и общественно-политических движений в период 1960-80-х годов, членами которых были представители естественнонаучной и технической интеллигенции.

Существует значительный корпус работ по истории диссидентского движения в СССР, в которое входило множество представителей технической и естественнонаучной интеллигенции. Пик количества публикаций на эту тему приходится на 1990-е годы²³, однако состояние отечественной науки, а также политизированность данной темы в 90-е, вынуждают современных исследователей критически относиться к данным работам²⁴.

---

²¹ Коргунюк Ю. Г. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. – М. : ИНДЕМ, 1996.

²² Сазанов Д. С. Трансформация общественно-политического сознания советской интеллигенции в период перестройки : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02. – Ижевск, 2012.

²³ Безбородов А. Б, Пивовар Е. И. Диссидентское и правозащитное движение в СССР (к истории и историографии проблемы) // Рабочий класс и общественное обновление: Итоги и задачи изучения. – Уфа, 1991. – С. 3–28.

²⁴ Заволожина А. С. Историческая память о диссидентском движении в СССР в 1960-1980-х годах: к методологии вопроса // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». – 2017. – №2 (8). – С. 132-139.

Стоит также отметить работы О. Яницкого по исследованию экологического движения в СССР²⁵, а также работы по исследованию движения любителей фантастики²⁶ и движения популяризаторов науки в СССР²⁷.

3. Исследования конкретных социальных явлений, а также отдельных мифологических и идеологических построений, характерных для советской естественнонаучной и технической интеллигенции.

В научной литературе встречаются работы по исследованию мифологических построений, которые оказывали влияние на социально-психологическое состояние естественнонаучной и технической интеллигенции. В работе А.В. Симоновой²⁸ исследуется формирование космической мифологии как фактора развития научных исследований космоса в СССР. В работе О.М. Шуваевой²⁹ исследуется роль научной фантастики в процессах трансформации мировоззрения естественнонаучной и технической интеллигенции. В работе А.Ф. Невоструевой³⁰ исследуются социальные аспекты советской модели информационно-коммуникационного пространства в 1950-80-х гг.

---

²⁵ Яницкий О. Н. Экологическое движение и контекст становления гражданского общества в посттоталитарной среде // Социологические исследования. – 1992. – № 12. – С. 40-51; Его же. Эволюция экологического движения в современной России // Социологические исследования. – 1995. – № 8. – С. 15-25

²⁶ Комиссаров В. В. Движение любителей фантастики в провинциальном советском городе в 1980-е годы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – №2. – С. 22-27.

²⁷ Пинаева Д. А. «Помни: нужно много знать, чтобы стране полезным стать!»: о некоторых проблемах популяризации науки в СССР (на примере деятельности Всесоюзного Общества «Знание») // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – №420. – С. 108-118.

²⁸ Симонова А. В. Формирование космической мифологии как фактора развития научных исследований космоса в СССР и России // Социология власти. – 2014. – №4. – С. 156-173.

²⁹ Шуваева О. М. Роль научной фантастики в процессах трансформации мировоззрения современного человека // Философия права. – 2017. – №1 (80). – С. 118-122.

³⁰ Невоструева А. Ф. Эволюция социальной сущности советской модели информационно-коммуникационного пространства в 1950-х–1980-х гг. // Власть. – 2013. – №7. – С. 63-67.

4. Биографические исследования отдельных представителей советской естественнонаучной и технической интеллигенции. Здесь стоит отдельно отметить сборник очерков и воспоминаний о выдающихся советских ученых, составленный Г.Павловой в 1982 году³¹, а также книги о тех представителях естественнонаучной и технической интеллигенции, кто стал активным участником общественных и политических событий времен перестройки³².

5. Культурно-антропологические исследования советского общества и советского человека в послевоенные годы. В данных исследованиях вопрос о советской естественнонаучной и технической интеллигенции, как правило, не является основным, однако они могут быть полезными для многофакторного исследования советской естественнонаучной и технической интеллигенции и исследования мифов о науке, формировавшихся в советском обществе.

Выдающейся работой по исследованию мира советского человека 1960-х годов является книга П. Вайля и А. Гениса³³. В ней собрано большое количество исторических материалов и предложена оригинальная трактовка событий 60-х годов. Несмотря на то, что книга не выдержана в научном стиле, она пользуется авторитетом среди исследователей и активно цитируется в научных работах по истории СССР. Для темы данного исследования особый интерес представляет глава «Физики и лирики. Наука»³⁴.

В монографии М. Н. Федченко³⁵ на основе научной литературы, архивных источников, письменных и устных воспоминаний современников

---

³¹ Советские ученые : Очерки и воспоминания / сост. Г. Е. Павлова. – М. : Изд-во агентства печати "Новости", 1982.

³² Полежаев Л. К. Перестройка, годы, лица... : Портр. и размышления. – Омск : Закрытый клуб, 1996; Долгий В. М. Народный депутат Андрей Сахаров. 1989 год : Размышления двадцать лет спустя. – М., 2009.

³³ Вайль П. Л., Генис А. А. 60-е. Мир советского человека. – Москва : АСТ, Corpus, 2018.

³⁴ Там же. С.117–129

³⁵ Федченко М. Н. Повседневная жизнь советского человека (1945-1991 гг.). – Курган : Курганский гос. ун-т, 2009.

освещается повседневная жизнь простых советских людей после окончания Великой Отечественной войны и до распада СССР. В данной монографии нет отдельного исследования естественнонаучной и технической интеллигенции, однако материалы данной книги дают хорошее представление о культурно-антропологическом контексте, в котором она находилась и развивалась.

Обзор по теме государственной политики в области идеологии и культуры в период от середины 60-х до середины 80-х годов представлены в работе С. Никоновой³⁶.

Отдельного упоминания заслуживают работы С.Г. Кара-Мурзы. Советская интеллигенция, советская наука, рациональное мышление – являются центральными темами многих его исследований³⁷. С.Г. Кара-Мурзой сформулирована и подробно описана проблема кризиса рациональности советской интеллигенции конца 80-х годов.

Помимо научных работ С.Г. Кара-Мурза является автором публицистических текстов, где данные научных исследований переплетаются с его собственными воспоминаниями как современника событий, а также воспоминаниями его личных знакомых. Примером такого исследования может служить фундаментальный труд «Советская цивилизация»³⁸.

В нём собрана масса исторических источников и проделан масштабный культурно-антропологический анализ советского общества. Рассмотрены некоторые предпосылки кризиса рациональности конца 80-х годов, однако нет полноценного исследования генезиса этого кризиса.

---

³⁶ Никонова С. И. Власть и интеллигенция: взаимодействие и (или) конфронтация (1965-1985 гг.) // Известия АлтГУ. – 2008. – №4-3. – С. 179-186.

³⁷ Кара-Мурза С. Г. После перестройки : Интеллигенция на пепелище родной страны. - М. : Былина, 1995; Его же Идеология и мать ее наука. – М. : Алгоритм, 2002; Его же. Потерянный разум. – М. : Эксмо : Алгоритм, 2005.

³⁸ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. – М. : Эксмо, 2011.

В другой своей фундаментальной работе³⁹ С.Г.Кара-Мурза рассматривает методы манипуляции общественным сознанием, которым в конце 80-х годов подвергалось советское общество со стороны отдельных групп советской интеллигенции и партийной верхушки КПСС.

В книге приведено описание методов манипуляции массовым сознанием и разбор большого количества конкретных манипуляций конца 80 - начала 90х годов. С.Г. Кара-Мурза фиксирует не только факт кризиса рационально мышления, но и аутистическую форму мышления советской интеллигенции того периода.

В работе показано, что представители естественнонаучной и технической интеллигенции выступали и как жертвы, и как акторы манипуляций. Однако в разборе конкретных актов манипуляции не рассматривается мотивация и мировоззрение акторов.

Внимание автора сосредоточено на самом механизме, а также на социально-политических и экономических последствиях. Однако генезис тех мифологем, которые акторы продвигают в общественное сознание посредством манипуляции, остается вне рассмотрения автора.

Вопрос генезиса данных мифологем ставится в данной работе, а потому она может быть рассмотрена как продолжение того направления исследований, которые было задано С.Г. Кара-Мурзой.

Подводя итог под обзором социально-психологического блока исследований, можно сказать, что степень научной проработки отдельных вопросов достаточно высока, однако существует не так много работ, рассматривающих социально-психологическую эволюцию естественнонаучной и технической интеллигенции СССР как единой социальной группы за период 1960-80-х годов.

---

³⁹ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М. : Алгоритм, 2013.

В литературе можно найти исследования отдельных мифологических построений, идеологических позиций различных социальных групп и в различные временные интервалы. Попытка исследовать непрерывную эволюцию мифа о науке в рамках суггестивного и сравнительного подходов с периода от 1960-х до 1980-х годов предпринимается впервые.

В научной литературе описан кризис рационального мышления естественнонаучной и технической интеллигенции СССР конца 80-х годов. Описание генезиса данного кризиса в рамках культурно-антропологического похода делается впервые.

Стоит отметить несколько важных для данного исследования работ, которые касаются вопросов этики. Влиянием этических установок на кризис рационального мышления гуманитарной интеллигенции СССР и России рассматривает С.Г. Кара-Мурза⁴⁰. Данная проблематика близка проблематике настоящего исследования, однако имеет иной объект и предмет исследования.

В работе А.В. Юревича⁴¹ исследуется влияние социально-психологических факторов российской и советской культуры на особенности научного мышления отечественной интеллигенции. Однако в работе не уделяется внимания социально-психологическим особенностям советской интеллигенции и кризису рациональности 1980-х годов и не рассматривается влияние этических установок на рациональное мышление вне рамок профессиональной деятельности.

Методологические вопросы исследования естественнонаучной и технической интеллигенции как социальной группы также связаны с этической проблематикой.

---

⁴⁰ Кара-Мурза С. Г. Идеология и мать ее наука. – М. : Алгоритм, 2002; Его же. Кризисное обществоведение: курс лекций: Ч.1. – М. : Научный эксперт, 2011; Его же. Кризисное обществоведение: курс лекций: Ч.2. – М. : Научный эксперт, 2012.

⁴¹ Юревич А. В. Социально-психологические особенности российского научного мышления // Философия науки и техники. – 2003. – №1. – С. 287-308.

В отечественной историографии с XIX века сосуществовало два подхода к исследованию интеллигенции. В рамках первого подхода интеллигенция как социальная группа определяется на основании социально-этических характеристик, второго – в рамках социально-профессиональной принадлежности. Историография данного вопроса подробно раскрыта в работе Е. В. Сломинской⁴².

Для достижения цели настоящей работы нет необходимости в выборе одного из методологических подходов, определяющих четкие социальные границы данной группы. В силу поставленных в работе задач, в центре внимания данного исследования находятся те исторические личности, которые обладают как социально-этическим, так и социально-профессиональным характеристиками.

Настоящая работа состоит из трех глав. Первая глава посвящена исследованию мифа о науке, который сложился в советском обществе к началу 1960-х годов и стал одним из системообразующих мифов для быстрорастущей социальной группы естественнонаучной и технической интеллигенции.

Вторая глава посвящена исследованию причин разочарования части интеллигенции в мифе о науке и формированию антимифа, которое начинается с конца 60-х и продолжается до середины 80-х годов.

Третья глава посвящена исследованию генезиса кризиса рационального мышления конца 1980-х годов.

---

⁴² Сломинская Е. В. Теоретико-методологические вопросы изучения российской технической интеллигенции // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2011. – №1. – С. 211-224.

Глава 1. МИФ О НАУКЕ 60Х ГОДОВ

Принципиально важным историческим событием, с которого можно начать отсчет 60х годов в СССР как культурного явления, является XXII съезд КПСС⁴³, на котором была принята третья программа и Устав КПСС, содержащие среди прочего Моральный кодекс строителя коммунизма. Кроме того, XXII съезд подтвердил верность установок XX съезда в отношении культа личности Сталина и усилил меры борьбы с ним⁴⁴.

Новая программа констатировала: «Сегодня Советский Союз сильнее и крепче, чем когда бы то ни было!»⁴⁵. Однако это состояние объявлялось только прелюдией к еще большему и лучшему положению дел.

Программа КПСС была наполнена духом нескончаемых успехов и оптимизма. Успехи прошлых лет трактовались как еще одно неоспоримое доказательство неостановимого прогресса: «Важнейшие события минувших лет были выражением главной закономерности нашего времени: стремительно шел процесс нарастания и укрепления жизненных сил мировой системы социализма»⁴⁶. Все материальное бытие в своем диалектическом движении являлось гарантом будущих побед и достижений.

Партия предложила общественности широкое обсуждение Программы на стадии проекта. 30 июля 1961 года текст проекта был опубликован в газетах «Правда» и «Известия». Партийные ячейки всех уровней посылали в ЦК отчеты об обсуждении проекта Программы.

---

⁴³ Программа Коммунистической партии Советского Союза : Принята XXII съездом КПСС. – М.: Госполитиздат, 1961.

⁴⁴ Материалы XXII съезда КПСС. – М.: Госполитиздат, 1962.

⁴⁵ Хрущев Н. С. Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии 17 октября 1961 г. - М. : Госполитиздат, 1961. – С. 5.

⁴⁶ Там же. С. 5.

При этом результаты обсуждения не сводились к формальному ритуалу, обыгрывающему единство партии и народа. КПСС предлагала гражданам СССР роль соавтора. Не только членам КПСС, но и каждому гражданину СССР предлагалось ознакомиться и высказать свои предложения и замечания. Газеты и журналы должны были собирать поступающие в редакции письма населения, касающиеся проекта Программы, и направлять их для обработки и анализа в специально созданные рабочие группы.

К 15 сентября 1961 года в 6 журналов и 20 газет поступило в общей сложности 29070 корреспонденций, из которых 5039 было опубликовано. В общей сложности на партийных конференциях и собраниях трудящихся, посвящённых обсуждению этого документа, присутствовало почти 44 миллиона человек. По данным, собранным Пыжиковым А.В., с учетом писем в местные газеты, партийные органы, радио и телевидение количество корреспонденции составляет 17080 единиц⁴⁷.

Описывая, то какой отклик общественности получила третья Программа КПСС, Вайль и Генис пишут: «...все события поблекли перед главным – текстом проекта Программы КПСС. Потому что в жизнь каждого советского человека вторглась поэзия, призванная изменить жизнь такой большой страны, как Советский Союз»⁴⁸.

Анализируя текст Программы, а также восприятие её различными группами граждан СССР, авторы оценивают текст Программы не как бюрократический текст с присущей ему рациональностью. Они прямо утверждают, что Программа писалась и читалась как художественный текст: «Но Программа и не была рассчитана на соотнесение теории с практикой. В ней отсутствует научная система изложения, предполагающая вслед за построением

---

⁴⁷ Пыжиков А. В. Хрущевская оттепель: 1953-1964. – М.: Олма-Пресс, 2002. – С.34.

⁴⁸ Вайль П. Л., Генис А. А. 60-е. Мир советского человека. – М. : АСТ, Corpus, 2018. – С.22.

теории стадию эксперимента. Текст Программы наукообразен – и только. При этом философские, политические, социологические термины и тезисы с поэтической прихотливостью переплетаются, образуя художественное единство»⁴⁹.

Трудно не согласиться с авторами. Текст полон художественных образов, многократных, нередко эмоционально нагруженных, повторов, метафор, ультимативных утверждений: «Социализм — это живое творчество трудящихся масс»; «Социализм — это путь народов к свободе и счастью»; «Опыт СССР доказал, что социализм и мир нераздельны»; «Капитализм — последний эксплуататорский строй»; «Современный капитализм враждебен жизненным интересам, прогрессивным устремлениям всего человечества»⁵⁰.

Текст Программы телеологический и, более того, эсхатологический. В строках этого текста бушует борьба добра и зла, в роли которых выступают социализм-коммунизм и капитализм-империализм соответственно: «Гигантски развив производительные силы, он <капитализм> превратился затем в величайшую преграду на пути общественного прогресса»; «Капитализм с его эксплуатацией человека человеком, с его шовинистической и расистской идеологией, со свойственным ему моральным упадком, разгулом спекуляции, коррупции, преступности разлагает общество, семью, человека»; «Единственный источник военной опасности — империализм»⁵¹.

Общая картина мира представлена так, что естественный путь развития – это неминуемая победа добра в форме социализма-коммунизма. Само мироздание на стороне коммунистов, однако силы зла могут прервать этот естественный ход исторического развития: «Империалистический лагерь готовит самое страшное преступление против человечества— мировую

---

⁴⁹ Вайль П. Л., Генис А. А. 60-е. Мир советского человека. – С. 28.

⁵⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 5; Там же. С. 17; Там же. С. 27.

⁵¹ Там же. С. 10.

термоядерную войну, которая может причинить невиданные разрушения целым странам, истребить целые народы»; «Капитализм с его эксплуатацией человека человеком, с его шовинистической и расистской идеологией, со свойственным ему моральным упадком, разгулом спекуляции, коррупции, преступности разлагает общество, семью, человека»; «Пока существует империализм, человечество не может быть спокойно за свое будущее»⁵².

Для преодоления конца света и помощи мирозданию в естественном движении к коммунизму, народ СССР должен трудиться на благо мира, чтобы не дать силам зла сорвать хороший конец времен плохим концом света: «Усилия народов должны быть сосредоточены на том, чтобы своевременно обуздать империалистов, лишить их возможности пустить в ход смертоносное оружие. Главное — предотвратить термоядерную войну, не дать ей вспыхнуть. И это в состоянии сделать нынешнее поколение людей»; «Основной вопрос современности — вопрос о войне и мире»; «Уничтожить войны, утвердить вечный мир на земле — историческая миссия коммунизма»⁵³.

В таком контексте становится вполне логичным курс на мирное сосуществование со странами капитализма, так как время играет на стороне СССР. Этому вопросу полностью посвящен пункт VIII части 1 Программы: «Мирное сосуществование социалистических и капиталистических государств — объективная необходимость развития человеческого общества»; «Мирное сосуществование или катастрофическая война — только так поставлен вопрос историей»⁵⁴.

Если СССР сможет удержать мир от разжигания губительной войны, то все будет хорошо, так как уже звучит благая весть о неминуемой победе добрых сил социализма и воцарение нового мира — мира коммунизма:

---

⁵² Программа Коммунистической партии Советского Союза. — С. 26; Там же. С. 52; Там же. С. 54.

⁵³ Там же. С. 27; Там же. С. 56.

⁵⁴ Там же. С. 66; Там же. С. 68.

«ПАРТИЯ ТОРЖЕСТВЕННО ПРОВОЗГЛАШАЕТ: НЫНЕШНЕЕ ПОКОЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ БУДЕТ ЖИТЬ ПРИ КОММУНИЗМЕ!»⁵⁵.

Художественный язык ошеломляющих планов переплетается в Программе с языком реальных цифр: «В ближайшее десятилетие (1961—1970 годы) Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма — США»; «В итоге второго десятилетия (1971 — 1980 годы) будет создана материально-техническая база коммунизма, обеспечивающая изобилие материальных и культурных благ для всего населения»; «В течение предстоящих 10 лет осуществится переход на шестичасовой рабочий день — при одном выходном дне в неделю или на 35-часовую рабочую неделю — при двух выходных днях»⁵⁶.

Оперируя языком реальных цифр, Программа уносила читателя с его ощущением реальности в над-реалистическую плоскость. Советская повседневность выбрасывалась утопической волной в сюрреализм.

Если в 60-е годы сюрреализм в странах капитализма победно шагал в искусстве, то в СССР он шагал в Программе КПСС. Оптимистический программный сюрреализм успешно опережал даже научную фантастику. Иван Ефремов, опубликовавший за четыре года до Программы свою «Туманность Андромеды», объяснялся: «Сначала мне казалось, что гигантские преобразования планеты и жизни, описанные в романе, не могут быть осуществлены ранее, чем через три тысячи лет... При доработке романа я сократил намеченный срок на тысячелетие»⁵⁷. Партийная утопия сократила срок на несколько порядков — до 20 лет.

---

⁵⁵ Программа Коммунистической партии Советского Союза. — С. 142.

⁵⁶ Там же. С. 65.

⁵⁷ Ефремов И. А. Туманность Андромеды. От автора — М. : Мол. Гвардия, 1984. — С. 5.

Программа провозглашала целью построение коммунизма. Однако определение понятия коммунизм давалось в метафорических формах, допускающих довольно широкую трактовку, например: «Переход к коммунизму означает всемерное развитие свободы личности и прав советских граждан»⁵⁸.

Вайль и Генис, рассуждая о цели программы, отмечают: «Целью она провозглашала строительство коммунизма – то есть общества, смыслом которого является творческое преобразование мира. Многозначность этой цели только увеличивала ее привлекательность. Творческое преобразование мира – это было все: научный поиск, вдохновение художника, тихие радости мыслителя, рекордная горячка спортсмена, рискованный эксперимент исследователя»⁵⁹. Программа предлагала каждому встроить свою мечту и свои чаяния в общую глобальную утопию, давая тем самым авансом ощущения воодушевления и увлеченности происходящим. Программа была одновременно свидетельством социально-психологического состояния советского общества, но и инструментом мотивации к дальнейшим действиям.

Особые ожидания Программа возлагала на науку и ученых: «Максимальное ускорение научно-технического прогресса — важнейшая общенародная задача»⁶⁰.

Главная цель – коммунизм неразрывно связывалась с научными достижениями: «Коммунизм — это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства

---

⁵⁸ Программа Коммунистической партии Советского Союза. – С. 72.

⁵⁹ Вайль П. Л., Генис А. А. 60-е. Мир советского человека. – М., 2018. – С. 28.

⁶⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза. – С. 83.

польются полным потоком и осуществится великий принцип «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям»⁶¹.

При определенном прочтении в данном тексте можно увидеть, что наука и техника становилась ответственной не только за производительные силы, но и за всестороннее развитие людей. Более того, она объявлялась чуть ли не единственным актором социального действия. В светлом будущем не будет классовой борьбы, не будет конкуренции, не будет мотивации изменить социальное положение, так как все будут в окончательно в равном положении. Зато науке практически в обязанность вменялось постоянное развитие.

Парадокс идеи коммунизма состоял в противоречии двух идей: конца времен (достижении высшей стадии развития, а, следовательно, и конца развития) и идеи постоянно ускоряющегося прогресса. Выход из данного парадокса Программа находила в постулировании безграничности научных возможностей.

Сам термин «коммунизм» употреблялся с эпитетом «научный»: «Треть человечества строит новую жизнь под знаменем научного коммунизма»⁶². Слово «наука» было призвано снять противоречия с утопии и одновременно защитить своим авторитетом идею коммунизма от нападков сомнения. Этот художественный ход кратно усиливал позиции утопии, но одновременно привязывал миф о науке к мифу о коммунизме.

В этой связке наука наполнялась значительным этическим и даже моральным содержанием. В художественном замысле Программы ученые преображались в воинов добра.

Однако в логике Программы не только коммунизм нуждался в науке, но и наука в коммунизме. Программная концепция утверждала, что некогда

---

⁶¹ Там же. С. 137.

⁶² Программа Коммунистической партии Советского Союза. – С. 62.

породивший науку капитализм сегодня уже мешал её беспрепятственному развитию и выполнению возложенных на неё этических обязательств: «Но производственные отношения капитализма слишком узки для научно-технической революции»; «Гигантски развив производительные силы, он превратился затем в величайшую преграду на пути общественного прогресса. Если XX век — век колоссального роста производительных сил и развития науки — еще не покончил с нищетой сотен миллионов людей, не принес изобилия материальных и духовных благ всем людям на Земле, то в этом повинен только капитализм»⁶³.

Наука и её благое дело накрепко привязывалась к социализму-коммунизму: «Осуществить эту <научно-техническую> революцию и использовать ее плоды в интересах общества может только социализм»⁶⁴.

Пункт V.3 ч.2 Программы непосредственно формулирует две основные задачи науки: «а) Развитие теоретических исследований... б) Соединение науки с производством»⁶⁵. При этом ответственными за прогресс назначаются, прежде всего, естественные науки. Математике, физике, химии и биологии отводится роль первооткрывателей.

Общественные науки в изложении Программы находятся несколько в ином положении: «Главным в этой области является изучение и теоретическое обобщение практики коммунистического строительства, исследование основных закономерностей экономического, политического и культурного развития социализма и перерастания его в коммунизм, разработка проблем коммунистического воспитания»⁶⁶. Несмотря на то, что в формулировке указывается, что закономерности должны быть новыми, их новизна уже

---

⁶³ Программа Коммунистической партии Советского Союза. – М., 1961. – С. 27; Там же. С. 7.

⁶⁴ Там же. С. 28.

⁶⁵ Там же. С. 125-129.

⁶⁶ Там же. С. 127-128.

заведомо не должна касаться основного вывода: неизбежного как закон физики перерастания социализма в коммунизм. Сама постановка задачи накладывала ограничения на новаторский дух и исследовательский горизонт.

В данном контексте можно перефразировать слова Лагранжа, сказанные про Ньютона⁶⁷: Маркс был счастливейшим из смертных, ибо существует только один путь общественного развития, и Маркс открыл его законы. В логике программных установок остальным ученым гуманитарных специальностей оставалось разбираться в деталях.

Таким образом, естественнонаучная и техническая интеллигенция назначалась авангардом прогресса и, наряду с членами КПСС, становилась в передовой отряд,двигающий историю к коммунизму. За это положение партия с одной стороны обещала всяческие блага: «Партия примет меры для дальнейшего укрепления и совершенствования материальной базы науки и для привлечения к научной деятельности наиболее способных творческих сил»⁶⁸, с другой — выставляла требования столь же гиперболические, как и достижение коммунизма за 20 лет: «Дело чести советских ученых — закрепить за советской наукой завоеванные передовые позиции в важнейших отраслях знания и занять ведущее положение в мировой науке по всем основным направлениям»⁶⁹. Быть лучшими везде и во всем вменялось научному сотруднику в этическую норму.

Партия, повышая ставки для себя перед лицом советского общества, повышала ставки и для науки. Восхваляя ученых, КПСС делала их соучастниками в случае провала сюрреалистических планов, вписанных в третью Программу КПСС.

Однако не только партия была инициатором героизации мифа о естественнонаучной и технической интеллигенции в 60-х годах в СССР. В

---

⁶⁷ Цит. по: Клайн М. Математика. Утрата определённости. – М.: Мир, 1984. – С. 5.

⁶⁸ Программа Коммунистической партии Советского Союза. – М., 1961. – С. 129.

⁶⁹ Там же.

советском обществе имелся запрос на нового героя, который должен был выполнить новые задачи по построению коммунизма.

С одной стороны старые герои: герои Великой Отечественной Войны, герои гражданской войны, герои революционеры – уже выполнили свои задачи, и их образ, как минимум, требовал значительной переработки для того чтобы быть приложенным к новым задачам. С другой стороны, общественное мнение уже было полно сомнений в непогрешимости партии и правительства, что далеко не в последнюю очередь было связано с разоблачением культа личности Сталина на XX и XXII съезде КПСС⁷⁰.

Рассказывая Правду (здесь и далее Правда с заглавной буквы используется в смысле этической и нравственной дефиниции) о бывшем партийном и правительственном руководстве, новое руководство КПСС било и по своему авторитету. Играя роль правдорубов, верхушка КПСС сама теряла ореол носителя Правды.

Общество усиленно искало других героев, не запятанных изменой в служении Правде. Ученые, возможно, как никто другой подходили под этих героев: «Наука подходила по всем статьям... Наука казалась долгожданным рычагом, который перевернет советское общество и превратит его в утопию, построенную, естественно, на базе новых знаний»⁷¹.

Более того, ученые даже противопоставлялись верхушке КПСС: «И осуществят вековую мечту человечества не сомнительные парработники, а ученые, люди будущего»⁷².

Наука совмещала в себе дух прогресса и дух Правды, которая базировалась не на политической основе, а на основе фундаментальных законов

---

⁷⁰ Материалы XXII съезда КПСС. – М.: Госполитиздат, 1962.

⁷¹ Вайль П. Л., Генис А. А. 60-е. Мир советского человека. – М., 2018. – С. 120.

⁷² Там же.

природы. «Точные знания казались эквивалентом нравственной правды. Между честностью и математикой ставился знак равенства»⁷³.

В восприятии советского общества точное знание о природе получило в нагрузку значительный этический компонент, корнями своими уходящий в телеологическое восприятие мира, свойственное советской культуре в целом⁷⁴. Идея о том, что всё в природе устроено целесообразно и что во всяком развитии осуществляется заранее поставленная цель (притом цель в конечном итоге благая), превращала работу ученого в таинство.

Если следовать идее Д. Зильбермана⁷⁵, советский ученый не просто должен был проводить ритуалы по постижению гармонии окружающего мира (в традиции западного мистицизма), но, продолжая традицию восточного мистицизма, становиться помощником мироздания (в случае религиозного сознания - бога) в деле установления этой гармонии. Ученый должен соавторствовать творческому акту установления мировой гармонии, и, соответственно, делить ответственность за неудачи на этом пути.

На героизацию мифа о советской науке сыграло мировое признание. Для задач всемирного масштаба нужны были всемирно признанные герои, и, словно отвечая на запрос общества, советские физики получают Нобелевские премии в 1958, 1962, 1964 годах. В.П. Визгин и А.В. Кессених писали: если в 1920-40-х гг. физика в СССР была наукой провинциальной, то в 1950-60-х гг. она превратилась «в науку мирового уровня».

Среди всех естественных наук наибольшую героизацию получает физика. «Новый герой был найден... и, конечно, герой должен был быть физиком. Эта

---

⁷³ Там же.

⁷⁴ Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. – М. : Общественное мнение, 2008.

⁷⁵ Зильберман Д. Православная этика и материя коммунизма. – Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2014.

наука объединяла в себе тогда авторитет абстрактного знания с практическими результатами. С атомной бомбой, например»⁷⁶.

Физика напрямую была связана с производством атомного вооружения. В силу антимилитаристической риторики и отсутствия опыта применения атомных бомб в военных целях со стороны СССР, производство атомных бомб воспринималось исключительно как выстраивание оборонительных средств сдерживания от мировой атомной войны.

Физика была связана с космосом – еще одним мощным символом прогресса и воплощения утопии советским народом и властью.

Физика сочетала в себе и фундамент теоретических знаний, и пользу хозяйственной деятельности, и основные символы прогресса, и защиту Родины, и мировое признание, и мистический ореол, и надежду КПСС, и передовой отряд в строительстве коммунизма. На короткий исторический период начала 1960-х годов физики стали истинными героями советского эпоса.

В 60х годах физика стала самой привлекательной профессией для советских школьников. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты проведенного В.В. Водзинской исследования школьников Ленинграда и Ленинградской области (1966 г.) с целью выяснения престижа различных профессий⁷⁷. Школьникам было предложено оценить 80 самых престижных профессий. Первые места в списке заняли: 1. Научный работник в области физики; 2. Инженер – радиотехник; 3. Научный работник в области медицины; 4. Инженер-геолог; 5. Научный работник в области математики.

Однако сама природа героического действия физики была туманна. В отличие от физики XVIII и XIX веков, физика 1960-х годов ускользала от

---

⁷⁶ Вайль П. Л., Генис А. А. 60-е. Мир советского человека. – С. 123.

⁷⁷ Водзинская В. В. О социальной обусловленности выбора профессии // Социальные проблемы труда и производства. Советско-Польское сравнительное исследование. – Москва-Варшава: Наука, 1966. – С. 51.

понимания не только широкой общественности, но государственного и партийного аппарата и даже от интеллигенции (за исключением узких специалистов в конкретных областях физики): «Она сочетала в себе объективность истины с непонятностью её выражения. Только посвященные в таинства могут служить науке в её храмах. Например, в синхрофазотронах»⁷⁸.

Причины такого восприятия лежат прежде всего в самом развитии физических и математических дисциплин: с значительным углублением разделения труда в научной среде⁷⁹, с усложнением понятийного аппарата математики⁸⁰. Закрытость глубин физики и математики создавала специфический образ ученых в обществе: «Ученые жили рядом, ученые были простыми людьми. И все же – другими. Не зря на газетном жаргоне эпохи они назывались жрецами науки»⁸¹.

С одной стороны, такое восприятие ученого в обществе еще больше увеличивало его авторитет. Неопределенность и грандиозность поставленных перед наукой задач (бесконечный прогресс и дорога к коммунизму) казалась преодолимой перед мифической силой науки. С другой стороны, миф о науке становился уязвим не только перед будущей реальностью, но и перед альтернативным мифотворчеством.

Разговор науки с обществом становился невозможным на языке (а точнее на языках) самостоятельных научных дисциплин, а положение «специалиста по связи с общественностью» взяла на себя научно-популярная периодика и научная фантастика, которая стала самым популярным жанром художественной литературы в 60-е годы в СССР.

---

⁷⁸ Вайль П. Л., Генис А. А. 60-е. Мир советского человека. – С. 123.

⁷⁹ Григорьев, О. В. Эпоха роста : лекции по неоконимике : расцвет и упадок мировой экономической системы. – М. : Карьера Пресс, 2014.

⁸⁰ Клайн М. Математика. Утрата определенности. – М.: Мир, 1984.

⁸¹ Вайль П. Л., Генис А. А. 60-е. Мир советского человека. – М., 2018. – С. 120.

По сути, фантасты взяли на себя функцию формирования внешнего мифа о науке и ученых. Таким образом, эволюцию мифа о науке и её социальной функции в сочинениях культовых фантастов тех лет, в частности, братьев Стругацких.

В книге 1959 года «Страна багровых туч» ученые будущего коммунистического общества цитируют «Правду» (газету) будущего и в целом мало отличается от рядовых граждан 50х годов. Однако в книге 1964 года «Понедельник начинается в субботу» ученые представлены по-новому: «Люди с большой буквы... Они были магами, потому что очень много знали... Каждый человек маг в душе, но он становится магом только тогда, когда начинает меньше думать о других, когда работать ему становится интереснее, чем развлекаться»⁸².

В общественном сознании наука превращается в культ, а научное сообщество превращалось в привилегированное сословие. Такой образ подтверждался привилегированным положением ученых как социальной группы в структуре советского общества как в материальном смысле⁸³, так и в смысле политических свобод. Однако, как пишут Вайль и Генис: «Ученые считались привилегированным сословием, и их привилегией считался творческий труд»⁸⁴; «Царство науки казалось тем самым алюминиевым дворцом, в который звал Чернышевский. Счастливики, прописанные в этом дворце, уже жили при коммунизме, который они построили для себя – без крови, жертв и демагогии»⁸⁵.

---

⁸² Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Понедельник начинается в субботу. – М. : Дет. лит., 1979. – С. 83

⁸³ Аллахвердян А.Г. Динамика научных кадров в советской и российской науке: сравнительно-историческое исследование: середина XX - начало XXI вв. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.10 - Москва, 2015.

⁸⁴ Вайль П. Л., Генис А. А. 60-е. Мир советского человека. – М., 2018. – С.120

⁸⁵ Там же С.121

В эти «золотые годы» советской физики в частности и советской фундаментальной науки в целом, в научном сообществе в лице его признанных представителей начинает формироваться претензия на этическую гегемонию в обществе.

В 1966 году П. Капица, М. Леонович, И.Тамм, Л. Арцимович, А. Сахаров подписывают письмо в ЦК КПСС об опасности реабилитации Сталина. Комментируя данную позицию ученых, академик Капица сказал: «Чтобы управлять демократически и законно, каждой стране абсолютно необходимо иметь независимые институты, служащие арбитрами во всех конституционных проблемах. В США такую роль играет Верховный Суд, в Британии – палата Лордов. Похоже, что в Советском Союзе эта моральная функция выпадает на Академию наук СССР»⁸⁶

Миф о науке 60х предлагал научному сообществу взять на себя этическую нагрузку и выполнять морально-нравственную функцию в обществе. Научное сообщество это предложение принимает.

Конечно, миф отличался от реальной жизни и реальной работы научного сотрудника, но все же миф о науке принимается самим научным сообществом и становится системообразующим представлением для естественнонаучной и технической интеллигенции как социальной группы. В методологии Б. Поршнева⁸⁷ процесс принятия мифа о науке самим сообществом может быть представлен как первичная суггестия.

Одна из главных причин такого приятия мифа самим научным сообществом лежит в тех социальных изменениях, которые происходят в 1960-е годы с естественнонаучной и технической интеллигенцией.

---

⁸⁶ Цит. по: Вайль П. Л., Генис А. А. 60-е. Мир советского человека. – Москва : АСТ, Corpus, 2018. – С. 123.

⁸⁷ Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. – М. : Наука, 1979.

В это время наблюдается значительный рост количества остепененных научных сотрудников⁸⁸. На рисунке 1 мы видим динамику роста количества докторов и кандидатов наук в СССР и РСФСР. Рост составляет примерно 2.5 раза за период 1960-70-х гг.

Такое резкое увеличение происходит параллельно с перестройкой систем организации научной и образовательной деятельности. В этот период создаются новые научные центры – Дубна, Академгородок, формируются новые научные школы. Советская наука перестраивается в период расцвета мифа о советской науке, принимая его в качестве системообразующего. В контексте данного мифа свою роль осмыслили как рядовые научные сотрудники, так и организаторы научной деятельности.

Пример такого осмысления демонстрирует академик П. Капица: «Некогда театр состоял только из труппы актеров, и режиссер был незаметной фигурой. Теперь же, особенно с развитием кино, в котором участвуют тысячи и десятки тысяч актеров, главная роль, определяющая успех постановки, перешла к режиссерам. При большой коллективной работе режиссер стал теперь необходим также и в науке. Какие требования мы ставим перед ним? Главное требование то, что его роль должна быть творческой, а не чисто административной. Он должен понимать смысл и цель научной работы и должен правильно оценивать творческие возможности исполнителей, распределять роли по талантности и так целесообразно расставить силы, чтобы все стороны решаемой проблемы развивались гармонично»⁸⁹.

---

⁸⁸ Аллахвердян А.Г. Динамика научных кадров в советской и российской науке: сравнительно-историческое исследование: середина XX - начало XXI вв. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.10 - М., 2015; Калабеков И. Г. СССР и страны мира в цифрах. – М., 2018.

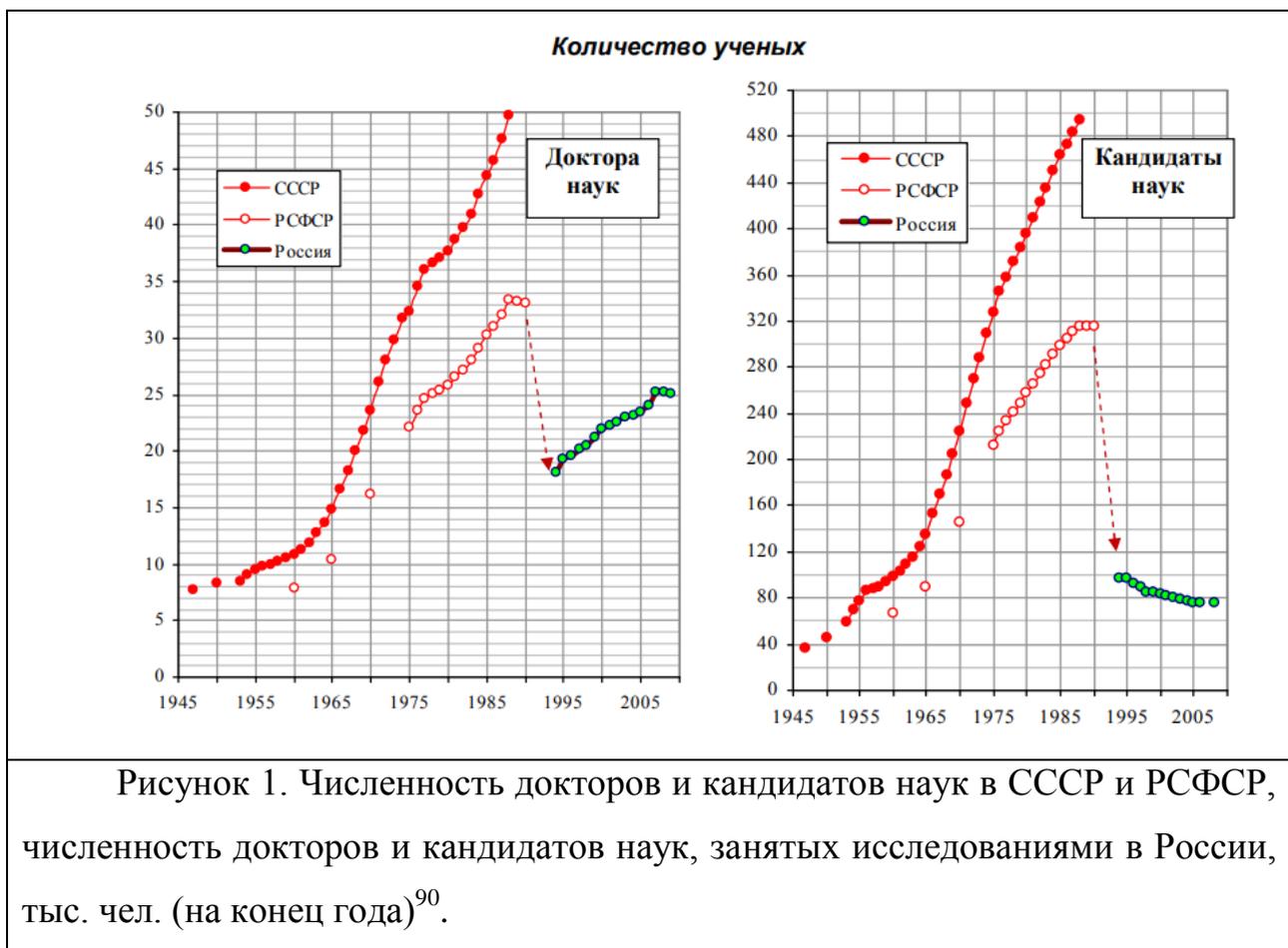
⁸⁹ Капица П.И. Будущее науки (стенограмма речи на Международном симпозиуме в Праге по планированию науки) // Наука о науке: сборник статей. – М.: Изд-во «Прогресс». – 1966. – С. 115.

В период с 1960-70-х года динамика роста молодежи в составе научного сообщества была еще более высока. Выше мы указывали список наиболее привлекательных профессий для советских школьников в 60-е годы: первые позиции в нем занимают профессии, связанные с техническими и естественнонаучными специальностями. Таким образом, самые успешные в учебе выпускники школ поступают в ВУЗы, мотивированные мифом о науке, в то время, когда в СССР наблюдается значительное увеличение числа студентов (почти в 2 раза) и выпускников ВУЗов (почти в 3 раза) за период с 1960-1970гг (Рис.2).

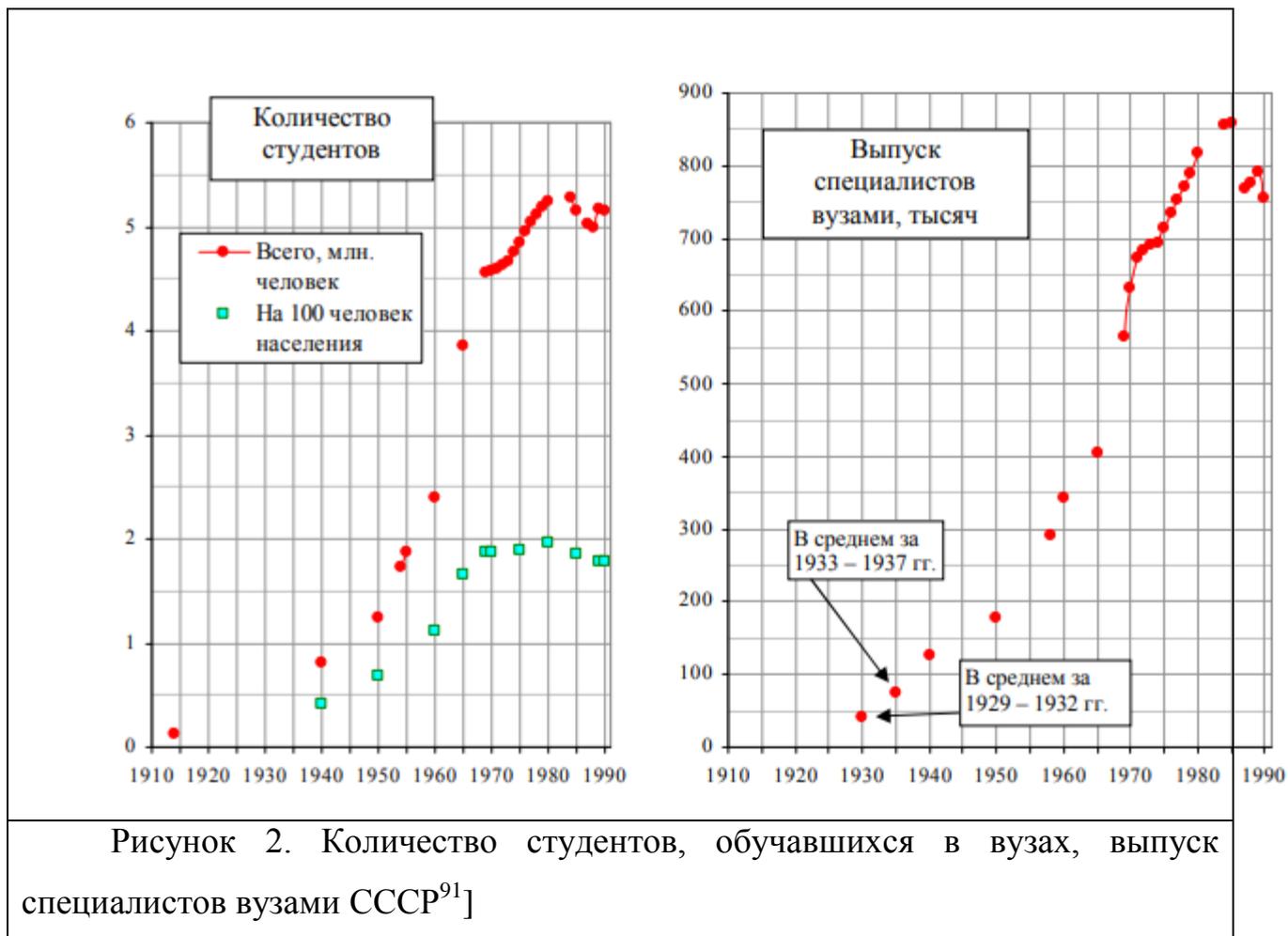
Еще более стремительно в этот период растет число аспирантов (почти в 3,5 раза), что отображено на рисунке 3а. На рисунке 3б представлено распределение аспирантов по отраслям науки к 1970 году. Более половины всех аспирантов проводили исследования по направлениям технических и физико-математических наук. Их решение о поступлении в аспирантуру также приходится на пик популярности мифа о науке 60-х годов.

Таким образом, научное сообщество не только само принимает общественный миф о науке, но и формируется под его влиянием.

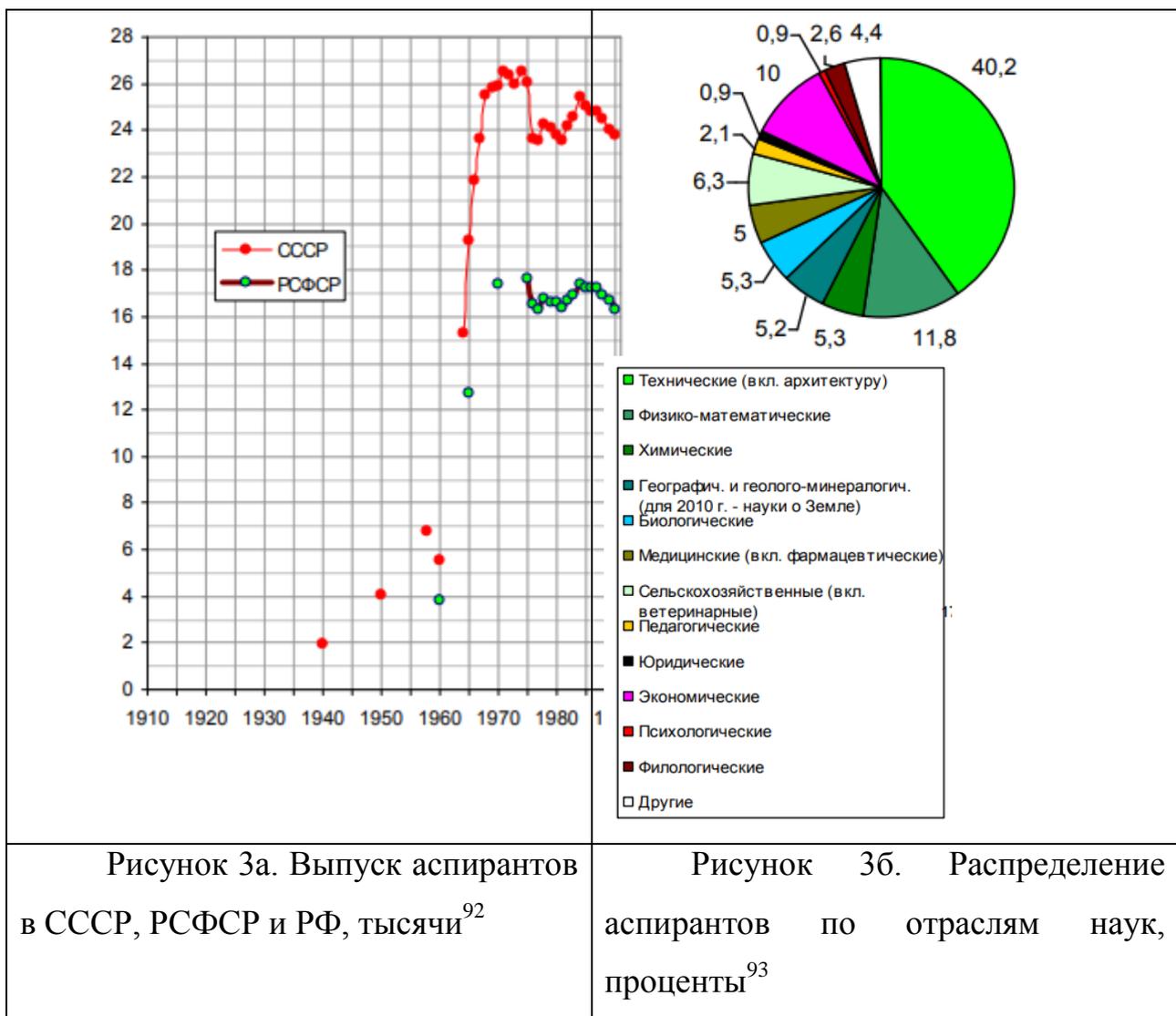
Этот миф как миф о золотом времени науки закрепится в представлениях естественнонаучной и технической интеллигенции о себе и будет оказывать влияние на социально-психологическое состояние данной группы на протяжении всей советской истории. Миф о науке будет сосуществовать с 1970-х годов с антимифом, о котором пойдет речь во второй главе данной работы, и сыграет немаловажную роль в генезисе кризиса рационального мышления естественнонаучной и технической интеллигенции конца 80х годов.

⁹⁰ Калабеков И. Г. СССР и страны мира в цифрах. – М., 2018. – С.280

⁹¹ Калабеков И. Г. СССР и страны мира в цифрах. – М., 2018. – С.278.

⁹² Калабеков И. Г. СССР и страны мира в цифрах. – М., 2018. – С.279.

⁹³ Там же.

Глава 2. АНТИМИФ О НАУКЕ 70Х ГОДОВ

Партийное руководство, разрушив миф великого, грозного прошлого и светлой роли партии, взяло кредит общественного доверия в счет успехов будущего, сделав науку своим поручителем. Научная фантастика умножила этот кредит. Когда же пришло время разочарований в мифе светлого и очень скорого будущего, это не могло не отразиться на общественном отношении к науке и к ученым.

Разочарование в коммунистической утопии, обозначенной в Третьей программе КПСС происходило быстро. Оно и не могло происходить по-другому, с учетом заявленных в программе сроков. Вариантов было два – либо должны были проявляться очевидные признаки наступления коммунизма, либо приходило сомнение и разочарование. Причем сами признаки были настолько расплывчатыми, что вообще не ясно как они должны были проявляться и могли ли они вообще проявиться для всех одинаково.

Борис Стругацкий, вспоминая историю написания романа «Улитка на склоне» в 1966 году, писал: «Стало ясно, что коммунистические перспективы застилают какой-то неприятный непрозрачный туман. Стал немножко возникать вопрос: а как, собственно, вот те реальные люди, которых мы видим вокруг себя, как они вдруг окажутся в коммунизме? Где та сила, которая сделает их героями повести "Полдень, XXII век"? Нас учили, что это сила очень простая: общий социальный прогресс, рост материального благосостояния, уничтожение нищеты, и как следствие - когда нищета будет уничтожена, когда каждый получит то, что хочет - вот тут-то исчезнут все язвы, и все люди станут хорошими. Вот этот самый тезис, который казался нам в школе и на первых курсах университета совершенно очевидным, вдруг этот тезис дал трещину.

Существует же множество государств, уровень жизни в которых намного выше, чем у нас, но тем не менее там полным-полно всякой дряни. Мир этих нищих духом, даже живущих в отдельных квартирах, по-прежнему наполнен алкоголизмом, наркоманией, суицидностью, жестокостью. Здесь дело было не в том, тут что-то не то!».

Такая связка экономических показателей и этических норм – характерна для той эпохи и выражается как в партийных декларациях, так и в художественной литературе. Однако жизнь, очевидно, контрастировала с утопическими положениями, что в середине 60-х выразилось еще только ощущением «тут что-то не то!».

В те же годы происходит процесс Синявского и Даниэля. За публикацию своих произведений на Западе они были осуждены по статье 70 УК РСФСР «антисоветская агитация и пропаганда» на 7 и 5 лет соответственно. Это событие можно брать за отсчетную точку формирования диссидентского движения в СССР 60-х годов⁹⁴.

В поддержку Синявского и Даниэля выступили ряд деятелей культуры. Характерно, что в письме литераторов с ходатайством по делу других литераторов также фигурирует апелляция к авторитету науки: «Ни науки, ни искусство не могут существовать без возможности высказывать парадоксальные идеи, создавать гиперболические образы. Сложная обстановка, в которой мы живем, требует расширения (а не сужения) свободы интеллектуального и художественного эксперимента. С этой точки зрения

---

⁹⁴ Безбородов А. Б., Пивовар Е. И. Диссидентское и правозащитное движение в СССР (к истории и историографии проблемы) // Рабочий класс и общественное обновление: Итоги и задачи изучения. – Уфа, 1991. – С. 3–28.

процесс над Синявским и Даниэлем причинил уже сейчас больший вред, чем все ошибки Синявского и Даниэля»⁹⁵.

Необходимость освобождения Синявского и Даниэля объясняется даже не справедливостью, а высшими целями: «Этого требуют интересы нашей страны. Этого требуют интересы мира. Этого требуют интересы мирового коммунистического движения»⁹⁶.

В те годы такой призыв еще не носил официально-формального характера. Вера в утопию сохранялась и у авторов, и у широкого круга потенциальных читателей данного письма. Курс страны и партии не виделся еще нарождающемуся диссидентскому движению заведомо ложным или неправильным. Ошибки и несправедливости казались частностями, преградами на верном пути, которые надо преодолеть.

Однако преодолеть не получалось. Более того, с точки зрения подписантов и сочувствующих читателей, партия и государство встало на защиту этих самых ошибок. Все очевиднее становилось для интеллигенции, что «тут что-то не то!».

С такой же патетикой пишет в 1968 году академик А.Д. Сахаров свои «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе»⁹⁷. Брошюра написана в форме призыва, полного новаторства и футуризма. В своей основе содержание текста представляет собой повторение или развитие тезисов третьей Программы и XXII съезда КСПП. Опасность мировой ядерной войны, антимилитаристский призыв, логика мирного сосуществования, необходимость демократии.

---

⁹⁵ Письмо 62 писателей в защиту Даниэля и Синявского. URL: <https://public.wikireading.ru/4266> (дата обращения: 20.06.2018).

⁹⁶ Письмо 62 писателей в защиту Даниэля и Синявского. URL: <https://public.wikireading.ru/4266> (дата обращения: 20.06.2018).

⁹⁷ Сахаров А. Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. – Frankfurt / М. : Посев, 1968.

Действительно значимым отличием «Размышлений» Сахарова от третьей Программы КПСС можно считать отсутствие идеи скорого прихода коммунизма. При этом утопический характер представлений о будущем сохраняется, только теперь будущее рисуется в иных терминах – в четырех этапах социалистической конвергенции:

«1-й этап. В социалистических странах нарастающая идейная борьба между сталинистскими и маоистскими силами, с одной стороны, и реалистическими силами левых коммунистов-ленинцев и "левых западников", с другой стороны, приводит к глубокому идейному размежеванию в международном, национальном и внутривластном масштабе.

В СССР и других социалистических странах этот процесс приводит сначала к многопартийной системе кое-где и острой идеологической борьбе, к дискуссиям, а затем к идейной победе реалистов, к утверждению курса на углубление мирного сосуществования, укрепление демократии и расширение экономической реформы (1968-1980 гг.). Даты относятся к самому оптимистическому варианту событий.

2-й этап. В США и других капиталистических странах настоятельные жизненные требования социального прогресса, мирного сосуществования, давление примера стран социализма и внутренних прогрессивных сил (рабочего класса и интеллигенции) приводят к победе левого, реформистского крыла буржуазии, которое в своей деятельности усваивает программу сближения ("конвергенции") с социализмом, т. е. социальных реформ, мирного сосуществования и сотрудничества с социализмом в мировом масштабе, изменение структуры собственности. Эта программа включает сильное увеличение роли интеллигенции и атаку на силы расизма и милитаризма (1972-1985 гг.). (Сроки этапов перекрываются.)

3-й этап. СССР и США, преодолев разобщенность, решают проблему спасения более "бедной" половины земного шара. Осуществляется упомянутый выше 20%-ный налог на национальный доход развитых стран. Строятся гигантские фабрики минеральных удобрений и системы орошения, работающие на атомной энергии, колоссально возрастает использование моря, обучаются национальные кадры, проводится индустриализация. Строятся гигантские предприятия по производству синтетических аминокислот и микробиологическому синтезу белков, жиров и углеводов. Одновременно происходит разоружение (1972-1990 гг.).

4-й этап. Социалистическая конвергенция приводит к сглаживанию различий социальных структур, к развитию интеллектуальной свободы, науки и производительных сил, к созданию мирового правительства и сглаживанию национальных противоречий (1968-2000 гг.). В этот период можно предположить решающие успехи в развитии ядерной энергетики как на базе урана и тория, так и, вероятно, на базе дейтерия и лития»⁹⁸.

По-прежнему социализм признается более развитой формой в развитии человечества, но уже не так однозначно и утвердительно. Социализм также должен мирно победить в странах капитализма, и также под напором прогресса и научного развития. Третий мир сам, по-видимому, в ближайшее время добраться до социализма не сможет, а потому «старшие братья» ему должны помочь. В общем и целом – это тот же сюжет прихода коммунизма во весь мир, который был в Программе, только само слово коммунизм уже не употребляется.

Вторым принципиальным отличием от Программы, является вопрос об образе врага. Если в Программе основное зло капитализм-империализм, то у Сахарова капитализм уже не имеет черт патологического зла. Так же как

---

⁹⁸ Сахаров А. Д. Указ. соч. - С. 50.

уходит термин коммунизм, уходит и термин империализм. Во всем тексте брошюры он встречается только один раз, и то с оговоркой: «так называемой империалистической опасностью»⁹⁹.

Внутренний фронт борьбы, который в программе был второстепенным, в брошюре выходит на первый план. Теперь главные враги светлого будущего полагаются не снаружи, а внутри, причем у социализма – свои (сталинизм, маоизм), у капитализма – свои (фашизм, расизм). А борьба с этим фронтом внутренних врагов по-прежнему ведется силами прогресса: «Миллионы людей во всем мире стремятся покончить с нищетой, ненавидят угнетение, догматизм и демагогию (и их крайнее выражение - расизм, фашизм, сталинизм и маоизм), верят в прогресс на основе использования в условиях социальной справедливости и интеллектуальной свободы всего положительного опыта, накопленного человечеством»¹⁰⁰.

Критика Хрущева звучит именно с позиций борьбы за правильный социализм и недостаточную последовательность борьбы со злом сталинизма и даже причастность к нему: «Начало этого трудного и далеко не прямолинейного пути, по-видимому, следует датировать докладом Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС; это смелое, неожиданное для бывших сообщников Сталина по преступлениям выступление и ряд сопутствующих мероприятий — освобождение сотен тысяч политзаключенных и их реабилитация, шаги по восстановлению принципов мирного сосуществования, шаги по воссозданию демократии - все это заставляет нас очень высоко оценить историческую роль Н. С. Хрущева, несмотря на ряд допущенных им в последующие годы досадных ошибок волюнтаристского характера и несмотря

---

⁹⁹ Там же. С. 15.

¹⁰⁰ Сахаров А. Д. Указ. соч. - С. 36.

на то, что при жизни Сталина Хрущев, конечно, являлся одним из соучастников его преступлений, занимая ряд достаточно крупных постов»¹⁰¹.

Текст брошюры носил программный характер, он имел широкую популярность и поддержку со стороны интеллигенции как советской, так и западной.

Давая согласие на публикацию своей брошюры в западных газетах и журналах, Сахаров выступал уже не только как выразитель внутренних представлений естественнонаучной интеллигенции, то есть творец внутреннего мифа научного сообщества, но уже как общественный деятель. Брошюра выражала характерное для тех лет движение мысли широких интеллектуальных слоев, а также части политической элиты. Таким образом, анализируя текст брошюры мы, можем делать выводы об эволюции общественного мнения.

Идейное наследие третьей Программы КПСС в брошюре Сахарова очевидно. Меняется название и форма утопии, меняется фронт борьбы, однако связка светлого будущего с научным прогрессом остается, а, следовательно, остается и ответственность научного сообщества за достижение этого светлого социалистического будущего.

В то же время, когда Сахаров писал «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», в Чехословакии шел процесс активной либерализации. С ним были связаны многие надежды и чаяния всех, кто ждал процесса либерализации в СССР. Чехословакия олицетворяла собой выполнение тех идей демократии и гласности, которые были изложены в программе КПСС.

В представлении советской либеральной интеллигенции Чехословакия была своего рода анти-Китаем в социалистическом лагере. Не последнюю роль играл и символизм географии: Китай – Восток, Чехословакия – Запад.

---

¹⁰¹ Там же. С. 42

Если Программа содержала в себе довольно сдержанную критику китайского руководства, то брошюра прямо называла его злом, а маоизм ставила в один ряд с фашизмом. Чехословакия же была воплощением либеральных идей Программы. Образ Чехословакии был образцовым, таким же, какими образцовыми коммунистами были когда-то советские диссиденты 60-х годов.

Чехословакия казалась передовым отрядом сил коммунистического лагеря: «В 68-м свобода в Чехословакии маршировала под привычным флагом – красным»¹⁰². Новая программа ЧПК апеллировала к человеку, делала ставку на личность: «Сегодня, когда стираются классовые различия, главной мерой оценки положения людей в обществе становится вклад человека в общественное развитие... Социализм... должен давать для применения личности больше, чем дает любая буржуазная демократия»¹⁰³. Чехословакия превратилась в оплот утопии, в мифический остров, до которого не добрался холод ощущения «тут что-то не то!».

История не дала возможность проверить, как утопия столкнулась бы с реальностью в ходе дальнейшего развития либеральных реформ в Чехословакии. Ввод войск ОВД прервал тот ход событий, который воспринимался либерально настроенной общественностью СССР как естественный.

Советский Союз дискредитировал себя в рамках того мифа, который создавался в рамках третьей Программы. В концепции выстроенного мифа мир должен был прийти к светлому будущему естественным путем, помещать ему могли только силы зла, которое полагались противоестественными. До событий 1968-го года такими силами были старый, уродливый, обреченный капитализм с его фашизмом и расизмом; догматизм и демагогия бюрократии с её

---

¹⁰² Вайль П. Л., Генис А. А. 60-е. Мир советского человека. – С. 364.

¹⁰³ Цит. по: Вайль П. Л., Генис А. А. 60-е. Мир советского человека. – С. 371

постоянными попытками реанимировать сталинизм; маоистский Китай с его азиатчиной и деспотией¹⁰⁴. Ввод советских войск в ЧССР ставил СССР в этот символический ряд противников естественного хода событий, противников прогресса.

Не случайно Вайль и Генис в своей книге называют 21 августа 1968 года – символическим концом эпохи 60-х: «Чем больше проходило с этого дня, тем решительнее он превращался в окончательную точку 60-х. Разгром «пражской весны» стал трагедией для России, но тот факт, что кризис коммунизма наступил в один конкретный день, давал некоторое облегчение – 21 августа лишало сомнений. История решала за человека»¹⁰⁵.

События 21 августа наносили мощный удар по утопическим построениям, выраженным в Программе. В сознании многих советских людей рвалась связка морально-нравственных ориентиров, научно-технического прогресса и служения Родине – по сути, та связка, которая лежала в корне мифа 60х о науке.

Разрушение мифа оказало значительное влияние, как на само научное сообщество, так и на отношение общества к науке. Для кого-то в СССР: «Вторжение в Чехословакию давало повод окончательно размежеваться с советской властью»¹⁰⁶. Для кого-то разрушение мифа стало причиной пересмотреть свое отношение к науке и к ученым.

Начинается «эпоха безвременья»¹⁰⁷, «начали проступать застойные явления»¹⁰⁸.

---

¹⁰⁴ Сахаров А. Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. – Frankfurt / М. : Посев, 1968.

¹⁰⁵ Вайль П. Л., Генис А. А. Указ. соч. – С. 362.

¹⁰⁶ Там же. С. 361.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Горбачев М. С. Политический доклад центрального комитета КПСС XXVII съезду коммунистической партии Советского Союза. - М. : Политиздат, 1987.

Советский язык партийно-государственного аппарата оперировал наукообразными терминами. Эпитеты, гиперболы и другие художественные приемы по форме выражались протокольными терминами экономическими показателями. По этой причине, термин «застой» описывался как спад, прежде всего, экономических показателей: «Экономика по инерции продолжала развиваться в значительной мере на экстенсивной основе, ориентировалась на вовлечение в производство дополнительных трудовых и материальных ресурсов. Как следствие, серьезно снизились темпы роста производительности труда и некоторые другие показатели эффективности»¹⁰⁹. По датам формально «период застоя» привязывался к 1964 году, то есть году, когда к руководству КПСС пришел Л.И. Брежнев.

Однако в 1964 году в СССР не наблюдалось таких значительных по своему масштабу изменений в экономике, как в идеолого-политической и идейной сфере в 1968-м. «Застой» понимался, прежде всего, как остановка в историческом движении к коммунизму. В представлениях мифа, сформированного третьей Программой КПСС, страна не шла ни вперед (как шла до 1968 года ЧССР), ни назад (к Сталинизму и маоистскому Китаю).

В 1983 г. на июньском пленуме ЦК КПСС Андропов скажет: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не знаем в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок»¹¹⁰.

Сергей Кара-Мурза увидел в этой фразе признание глубокого кризиса советской социологии¹¹¹. Но на наш взгляд, это еще и признание в кризисе

---

¹⁰⁹ Горбачев М. С. Политический доклад центрального комитета КПСС XXVII съезду коммунистической партии Советского Союза. - М. : Политиздат, 1987. - С. 135.

¹¹⁰ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14-15 июня 1983 г. – М. : Политиздат, 1983. – С. 15.

¹¹¹ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. – М. : Эксмо, 2011. – С. 902.

телеологического мифа о развитии советского общества к коммунизму. Для того чтобы сформулировать это утверждение на уровне высшей власти, понадобилось 15 лет, однако на уровне советской научной фантастики данный кризис начал оформляться в художественные формы уже в конце 1960-х.

В 1969 году братья Стругацкие начинают писать роман «Град обреченный»¹¹². Картина мира романа далека от коммунистических утопий. Мир романа напоминает мир кафкианской прозы, где в котором разбросаны обломки бывшей утопии.

Весь роман главные герои попросту не понимают, что происходит вокруг. Окружающий мир для них – эксперимент, поставленный не понятно кем и не понятно зачем. Они разными путями пытаются разобраться в происходящем, используют разные стратегии поведения, оказываются в различном социальном положении, но разобраться им все равно не получается. Наставники, которые, в сущности, и сами не понимают что происходит, являются кривым отражением героев и их собственных мнений.

Реакция людей живущих в Граде на то, что «Эксперимент может выйти из-под контроля»¹¹³, – устроить революцию. После того, как революция победила, герои пытаются на новом уровне разобраться в окружающем мире, организовать научную экспедицию, и в итоге попадают в еще более странный мир за границами города, где бродят статуи.

Таким образом, мы видим абсолютно непонятный мир, где наука не приводит к ясности, а наоборот, заводит героев в еще более непонятные пространства, где в итоге главный герой Андрей совершает, по сути, самоубийство, спровоцированное трагической случайностью.

---

¹¹² Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Град обреченный. – М. : Молодая гвардия, 1991.

¹¹³ Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Град обреченный. – С. 50.

Сюжет этим не заканчивается. Можно сказать, что он вообще не заканчивается. Самоубийство приводит к прохождению некоего «первого круга». Читатель остается в непонимании: что произошло, что стало с миром, что будет дальше? Есть только одно всецело поглощающее ощущение: «тут что-то не то!», но что конкретно, даже не ясно, ведь: «мы не знаем в должной мере общество, в котором живем».

В фантастике Стругацких конца 60-х - начала 70-х наука становится вторичной по отношению к миру и природе неизвестного, которую пытается постичь. В «Пикнике на обочине»¹¹⁴ наука тщетно пытается разобраться со следами высших цивилизаций, которые пришельцы оставили на земле чуть ли не как мусор. Как и в «Граде обреченном», в «Пикнике на обочине» никакие вопросы, поставленные перед наукой, не находят ответы.

Вайль и Генис указывают на то, как интеллигенция в конце 60-х - начале 70-х переоткрывала для себя прозу Кафки. По их мнению, из-за того, что образ СССР как коммунистической утопии для части интеллигенции сменился образом империи, советская интеллигенция обратилась к творческому опыту интеллигенции других империй, в частности Австро-венгерской.

Мы не считаем это объяснение полным, так как имперских поэтов и мыслителей было огромное множество. Интерес к прозе Кафки — это интерес к выражению того гнетущего мироощущения, когда окружающий мир не понятен и не осмыслен. Человек в этом мире должен действовать, но при этом правила для действия остаются не ясными.

Часть советской интеллигенции и общества в целом крайне болезненно восприняла события 1968-го года. Характеризовать это ощущение можно словами Зденека Млинаржа, одного из идеологов: «пражской весны», сказанные им о вводе войск ОВД в ЧССР: «Я физически чувствовал, как

---

¹¹⁴ Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Пикник на обочине. — М. : Астрель, 2012.

кончается моя жизнь коммуниста. Все оказалось вдруг лишенным смысла... всего за несколько минут мир стал неузнаваемым»¹¹⁵.

Кредит доверия, выданный советской власти, не был возвращён. Общество предъявило претензии не только к власти, но и к её поручителю – науке. Бесспорно, нельзя говорить, что миф о науке распался в один день для всех сразу, но можно с уверенностью сказать, что в это время советском обществе зарождаются идеи скептицизма и даже противодействия по отношению к науке.

Ярким выражением скептицизма по отношению к мифу о науке 60-х годов можно найти в текстах Солженицына середины 70-х годов. В 1974 году Солженицын пишет эссе «Образованщина», где высказывает ряд претензий интеллигенции. Миф о коммунизме и связанные с ними мифы о прогрессе и науки, он описывает так: «... как заправдошные стволы, и только выветриванием лет узналось, что это стояла одна пустая кора, а сердцевины уже не было»¹¹⁶.

То что в мифе 60-х воспринималось защитой и служением родине, Солженицын уже описывал как сомнительное с точки зрения морали дело: «... не стало военного заказа, который русские интеллигенты осмелились бы оценить как аморальный... Эта угарная преданность государственным заказам очень нестеснительно выражена в недавней самиздатской публикации «Туполевская шарага», она не миновала крупнейших фигур»¹¹⁷.

Противопоставляя дореволюционную интеллигенцию «нынешней образованщине», к которой причисляет и научных сотрудников, Солженицын прямо указывает: «интеллигенция современная вовсе не отчуждена от современного государства: те, кто ощущают так – сами с собой или в узком

---

¹¹⁵ Вайль П. Л., Генис А. А. 60-е. Мир советского человека. – С.363.

¹¹⁶ Солженицын А. И. Образованщина // Новый мир. – 1991. – №5. – С. 32.

¹¹⁷ Там же. С. 33.

кругу своих, зажато-тоскиливо, обреченно, отдано, - не только держат государство всю своей интеллигентской деятельностью, но принимают и исполняют даже самое страшное условие государства: участие душой в обязательной общей лжи»¹¹⁸.

Из прочтения указанного текста Солженицына становится понятно, что **Ложь** понятие концептуальное и конкретное. Призывая «жить не по лжи», он призывал отвергнуть не столько ложь как принцип не истинности в утверждениях, а определенную мировоззренческую конструкцию, названную художественно **Ложь**.

По сути то, что язык утопии в 1960-х называл **Правдой**, в 70-е Солженицын называет **Ложью**. Вместе с инверсией Правда-Ложь происходит превращение служителей светлого культа науки в полунебежд: «... сужение профессиональных знаний, дающее возможность и в доктора наук проходить полунебеждам, несколько не смущает образованца»¹¹⁹.

Храм науки, если и был святым когда-то местом для Солженицына, то в «Образованщине» он уже изображается оскверненным, а потому призывы к покаянию научной интеллигенции вполне логичны с позиций Солженицына.

Все сравнение современной интеллигенции с дореволюционной по сути сводится к простотой схеме – все недостатки прошлого остались, все достоинства испарились. Советская интеллигенция служит Лжи, зажатая и униженная, она смиренна и слаба¹²⁰.

В представлении советской интеллигенции о самой себе одним из важнейших образов являлся образ мещанина. Для интеллигенции этот образ выражал образ чужого, которому надо было противодействовать. Страх

---

¹¹⁸ Там же. С. 37.

¹¹⁹ Солженицын А. И. Образованщина // Новый мир. – 1991. – №5. – С. 35.

¹²⁰ Там же. С. 40.

превратиться в мещанина – это страх потерять самоидентичность для интеллигенции как группы (или выпасть из группы в случае отдельно взятого представителя интеллигенции).

Солженицын активно использует образ мещанина для атаки на советскую интеллигенцию, указывая на то, что различий между этими двумя группами почти нет. В эссе «На возврате дыхания и сознания» он указывает на интеллигентское ощущение собственного духовного превосходства перед мещанами, отрицая его: «Непробудная, уютная, удобная дрема советских ученых: делать свое научное дело, за это - жить в избытке, а за это – не мыслить выше пробирки»¹²¹.

Солженицын проходится по всем существенным для интеллигенции вопросам и во всем дает негативную оценку. Более того, он отказывает интеллигенции в сочувствии, так как не видит необходимого раскаяния и покаяния, прежде всего от естественнонаучной и технической интеллигенции.

В своем эссе он ведет полемику с авторами, разделяющими в большей или меньшей степени миф о науке 1960-х, называя позицию оппонентов «выискиванием изворотливых доводов». Солженицын приводит слова Померанца: «осознать себя духовно, не бросая своего НИИ» - и в духе горьковского романтизма отрицает такую формулу: «как будто «осознать себя духовно» есть задача уютного размышления, а не строго искусства, не беспощадного испытания»¹²².

---

¹²¹ Солженицын А.И. На возврате дыхания и сознания (По поводу трактата А. Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе»). URL: http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_sovetskom_soyuze/na_vozvrate_dihaniya_i_soznaniya.pdf (дата обращения: 20.06.2018).

¹²² Солженицын А. И. Образованщина // Новый мир. – 1991. – №5. – С. 38.

Тот скрытый от понимания обывателя подвиг физиков¹²³, который увлекал своей таинственностью в 60-е, здесь назван «уютным размышлением». Правда из лабораторий уходит в зоны беспощадных испытаний (например, в лагеря).

Солженицын полемизирует с автором статьи «Как быть?», написанной в 1969 году Семеном Телегиным, и вышедшем в Самиздате. Судя по отрывкам, которые приводит сам Солженицын в своем эссе, статья Телегина является своего рода реакцией на начало разрушения мифа о науке 60х.

Реакция Телегина наступательная. В ней проглядываются черты сословного самосознания технической интеллигенции: «Представьте себе класс высокообразованных людей, вооруженных идеями современной науки, умелых, самостоятельных, бесстрашно мыслящих, вообще привыкших и любящих думать, а не... пахать землю», - и формулируется призыв к научному сообществу противодействовать советской власти, распространяя свое культурное влияние.

Телегин формулирует доктрину, в которой техническая интеллигенция должна занять место культурного гегемона в стране. Более того, гегемония технической интеллигенции представляется благом для всего советского общества и государства.

Солженицын обрушивается с яркой, эмоционально окрашенной критикой на тезисы Телегина. Претензию естественнонаучной и технической интеллигенции на гегемонию он характеризует так : «напор самодовольства научно-технической образованщины прорвался в Самиздат статьёй Семёна

---

¹²³ Вайль П. Л., Генис А. А. 60-е. Мир советского человека. – Москва : АСТ, Corpus, 2018.

Телегина». Солженицын обвиняет техническую интеллигенцию в «троедушии», отступлении от моральных принципов, неспособности к борьбе¹²⁴.

Телеологические представления характерны для всей эпохи 1960-80-х годов. Они проглядываются и в партийных программах, и в публицистике Солженицына и Сахарова. Обратной стороной таких представлений является поиск противоестественного элемента, который мешает естественному развитию общества и страны, которое неминуемо должно привести человечество к благу.

Телегин находит такой неестественный элемент в советской власти, и противопоставляет ей естественнонаучную и техническую интеллигенцию. Солженицын же видит такой неестественный элемент не только в советской власти, но и в самой естественнонаучной и технической интеллигенции, противопоставляя ей гуманитарную интеллигенцию: «В тёплых светлых благоустроенных помещениях НИИ учёные-"точники" и техники, сурово осуждая братьев-гуманитариев за "прислуживание режиму", привыкли прощать себе свою безобидную служебную деятельность, а она никак не менее страшна, и не менее сурово за неё спросится историей»¹²⁵.

Солженицын четко прописывает ту же связку общественного устройства и естественнонаучной и технической интеллигенции, что и третья Программа КПСС. Только Солженицын активно оперирует этическими дефинициями, давая характеристику современному ему общественному устройству. Проще говоря, текущее общественное устройство он считает злом. Более того, для определения понятия зла он даже пользуется той же метафорой, что и Программа – «империализм». В Программе империализмом называлось то, что происходило в США, Солженицын называет то, что происходило в СССР: «А

---

¹²⁴ Солженицын А. И. Образованщина // Новый мир. – 1991. – №5. – С. 39.

¹²⁵ Там же.

ну-ка, потеряли б мы завтра половину НИИ, самых важных и секретных, - пресеклась бы наука? Нет, империализм»¹²⁶.

Не только география империализма переворачивается в представлениях Солженицына. По сути, миф о науке 1960-х годов не разрушается полностью. Отдельные крупные мифологемы остаются, но на противоположную меняется их этическая оценка. Остаются те же связки и утверждения, но теперь они носят негативный характер.

Тельнов в своей статье, написанной в 1969 году, продолжает отстаивать тезис начала 60-х о том, что точное научное знание является частью большой Правды: "методологию физики приложить к тонкостям морали" – на что Солженицын оставляет короткий и ёмкий комментарий: «упаси вас Бог...»¹²⁷.

Точному знанию противопоставляется духовное откровение, моральная стойкость и самоотверженная борьба с советской властью.

Остается вопрос о репрезентативности и влиятельности мнений Солженицына на общественное мнение. Как пишет в своем исследовании¹²⁸ Жорес Медведев: «При проведении в Обнинске анонимной социологической анкеты в конце 1967 г. в графе с вопросом «ваш любимый советский писатель» на первом месте оказался Солженицын».

Жорес Медведев, изучавший советскую науку и советскую интеллигенцию в целом, показывал насколько велик был авторитет Солженицына не только для гуманитарной части советской интеллигенции, но и для естественнонаучной и технической интеллигенции. Выбор метафоры для заглавия книги «Солженицын и Сахаров. Два пророка» сам за себя говорит о

---

¹²⁶ Солженицын А. И. Образованщина // Новый мир. – 1991. – №5. – С. 40.

¹²⁷ Там же. С. 43.

¹²⁸ Медведев Ж. А., Медведев Р. А. Солженицын и Сахаров. Два пророка. - М. : Время, 2005. - С. 72.

масштабе влияния Солженицына на умы советской интеллигенции, по мнению Медведева.

Позиция Солженицына разделялась далеко не всеми современниками, однако выраженная им в публицистических эссе 1970-х годов позиция свидетельствует о той значительной перемене, которая происходит с мифом о науке в среде значительной части советской интеллигенции.

Рассуждая об изменении общественного мнения по отношению к естественнонаучному и инженерному сообществу, Вайль и Генис связывают этот процесс, прежде всего, с увеличением общественной и гражданской активности ученых вне поля своей профессиональной деятельности в конце 1960-х: «Неразумная толпа с восторгом взирала на храм науки, пока таинства совершались внутри него... Ученый растворил двери храма и пошел в народ или правительство. Снимая с себя сан, он превратился в гражданина»¹²⁹.

Однако нам кажется, что такое объяснение не может быть полным. Для понимания процессов в общественном мнении мы не можем не брать в расчет разочарование в мифе о науке 1960-х и появление антимифа 70-х годов. Общественная и гражданская активность ученых была обусловлена во многом реакцией на эти процессы.

О том, как менялся внутренний миф научного сообщества, мы будем подробнее говорить в следующей главе. Здесь мы только отметим, что научное сообщество в определенной степени стало заложником внешних по отношению к себе акторов социально-политической реальности.

С подачи партийного руководства наука разделила ответственность за наступление коммунизма перед лицом общественности. Научная фантастика, некогда воспевавшая и героизировавшая ученых за их профессиональную деятельность, теперь предъявляла к ним требования гражданских действий.

---

¹²⁹ Вайль П. Л., Генис А. А. 60-е. Мир советского человека. – С. 115.

Творческая интеллигенция в лице Солженицына прямо обвиняла науку в мещанстве. В таких условиях сохранить статус-кво 1960-х годов было невозможным.

Вынужденность гражданской активности научного сообщества отмечают и сами Вайль и Генис: «Ученые не могли не вмешиваться в дела общества. Но когда вмешивались, они переставали быть учёными, а становились диссидентами. Их тайное жреческое служение становилось явным»¹³⁰.

Десакрализация «научного сословия» не произошла для всего общества сразу и в один момент. Однако мы однозначно можем зафиксировать появление антимифа о науке и технике в начале 70-х годов XX столетия. Несмотря на размытые границы социальной среды распространения данного антимифа, мы все же можем сказать, что идеологом и оформителем антимифа стала часть гуманитарной и творческой интеллигенции, самым влиятельным и известным представителем которой был Солженицын.

Данный антимиф представлял собой реакцию на разочарование в самом мифе о науке 1960-х годов. Многие положения антимифа напрямую наследовал из мифа, давая им противоположную нравственно-эмоциональную окраску. Наука стала если не частью Лжи, то как минимум её служанкой, а потому лозунг «Жить не по лжи» приобретал и оттенок скептицизма по отношению к науке и технике.

Вайль и Генис так в метафоричной форме описывают процесс формирования антимифа: «Когда таблица умножения не справилась с коммунизмом, её признали ошибочной. Недавних кумиров назвали «образованщиной». На загул материализма Россия ответила идеалистической реакцией. Лирики брали реванш у физиков, и романтическое невежество

---

¹³⁰ Вайль П. Л., Генис А. А. 60-е. Мир советского человека. – С. 115.

отплясывало на руинах уже ненужных синхрофазотронов. Правда ушла в почву»¹³¹.

Нельзя однозначно сказать, что антимиф был антипрогрессивистским. Стремление к улучшению и развитию также наполняли риторику антимифа, однако наука теперь не была спутником прогресса. Здесь прогресс шел под руку с духовным развитием и социально-политическими изменениями, связанными с этим духовным развитием.

Повесть «Малыш» братьев Стругацких начинается эпитафией: «Есть лишь одна проблема — одна-единственная в мире — вернуть людям духовное содержание, духовные заботы...»¹³². Миф 60-х утверждал, что эта проблема решится с помощью науки, антимиф это утверждение отрицал.

В рамках антимифа принципиально менялось отношение к научному сообществу. Не только считавшийся «своим» Солженицын уподобляет ученых мещанам, но и научная фантастика, воспевавшая вчера «аристократов духа», в 1970-е меняет свои воззрения. Так в повести «Малыш» 1971 года главным героем выступает Майя Глумова, диссидент от научных исследователей. Она, будто по заветам Солженицына, идет на против системы ради своих убеждений. При этом её убеждения заключаются в том, чтобы спасти окружающий мир от вмешательства науки и человечества как такового.

Научная экспедиция представлена в повести как источник угрозы, а ценность естественного развития мира ставится выше любых открытий и исследований. Все тоже телеологическое восприятие мира, только теперь наука в нем играет противоестественную роль.

---

¹³¹ Вайль П. Л., Генис А. А. 60-е. Мир советского человека. — С. 125.

¹³² Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Малыш. — М. : АСТ, 2016. — С. 5.

В «Мальше» видно, как формируется идеологическая доктрина экологических движений, сыгравших активную роль во второй половине 1980-х годов, во время перестройки.

Оформившийся в советском обществе в начале 70-х годов антимиф о науке сосуществует с мифом. Эти противоречивые представления уживаются в советском обществе, достигая 1980-х годов и времен перестройки.

В методологии Б. Поршева¹³³ процесс принятия формирования антимифа и его сосуществование с мифом о науке может быть представлено как пара суггестия-контрсуггестия.

---

¹³³ Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история. – М. : Наука, 1979.

Глава 3. КРИЗИС РАЦИОНАЛЬНОСТИ КОНЦА 80X ГОДОВ

Неопределенность, с которой столкнулось советское общество в начале 1980-х годов, требовала своего разрешения. Обещанный Программой коммунизм не наступил, породив мировоззренческий кризис. Словесная формализация кризиса различалась в разных частях советского общества.

Официальный язык партийного и государственного руководства по прежнему оставался наукообразным: «мы не изучили в должной степени общество, в котором живём и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности»¹³⁴. Партийная риторика подводила к тому, что мировоззренческий кризис должен разрешиться силами науки.

Показателен пример биографии «архитектора перестройки» А.Н. Яковлева¹³⁵. С конца 1960-х годов он перестает заниматься научной деятельностью и занимается партийной и государственной службой. С 1973 года Яковлев отстранен от работы в партийном аппарате, в течение следующих 10 лет он будет советским послом в Канаде.

После возобновления знакомства с Горбачевым, который посещает Канаду в 1983 году, Яковлев возвращается в Москву. Однако до того как стать идеологом перестройки, он в 1983-85 годах занимает пост директора Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР. В 1985 году Яковлев становится заведующим отделом пропаганды ЦК КПСС, в 1986 – членом ЦК КПСС, секретарем ЦК, курирующим вопросы идеологии, информации и культуры.

---

¹³⁴ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14-15 июня 1983 г. – М. : Политиздат, 1983. – С. 15.

¹³⁵ Рыбас С. Ю. На смерть А.Н. Яковлева. URL: <http://www.whoiswho.ru/politdnevnik/item/?id=2041> (дата обращения: 20.06.2018).

Для нашей темы важным эпизодом биографии Яковлева является его недолгое нахождение у руководства ИМЭМО АН СССР. Это назначение ложится в логику партийной риторики тех лет. Идеологом реформ и преобразований советского мироустройства должен быть ученый. Пост директора института возвращает Яковлеву символический статус представителя науки.

На апрельском Пленуме ЦК КПСС 1985 года Горбачев предложил новый курс на модернизацию советской системы. Выход из мировоззренческого тупика предлагалось искать в ускорении научно-технического прогресса: «Задача ускорения темпов роста, притом существенного, вполне выполнима, если в центр всей нашей работы поставить интенсификацию экономики и ускорение научно технического прогресса...»¹³⁶.

1980-е с новой силой обращаются к мифу о науке 1960-х. Тезисы о науке и прогрессе Горбачевского доклада на XXVII съезде КПСС во многом повторяют тезисы доклада Хрущева на XXII съезде и третьей Программы КПСС в редакции 1961 года.

Снова звучит связка социализма и науки: «Социализм обладает всем необходимым для того, чтобы поставить современную науку и технику на служение людям»¹³⁷. Повторяется метафора науки как оружия против капиталистической системы: «перед развивающимися странами научно-техническая революция с особой остротой ставит вопрос: суждено ли им в полной мере воспользоваться достижениями науки и техники, обрести тем

---

¹³⁶ Горбачев М. С. Политический доклад центрального комитета КПСС XXVII съезду коммунистической партии Советского Союза. - М. : Политиздат, 1987. – С. 37.

¹³⁷ Там же. С. 45.

самым силы в борьбе против неокOLONиализма и империалистической эксплуатации»¹³⁸.

В этом же докладе впервые произносится характеристика Брежневской эпохи как «застоя». Аналогично тому, как наука в представлениях Хрущева и Сахарова противопоставлялась догматизму сталинской эпохи, так в докладе Горбачева противопоставлялась застойным явлением брежневской: «Схоластика, начетничество и догматизм всегда были путями для действительного приращения знаний. Они ведут к застою мысли, мертвой стеной отгораживают науку от жизни, тормозят ее развитие. Истину обретают не в декларациях и предписаниях, она рождается в научных дискуссиях и спорах, проверяется в действии.»¹³⁹

Резюмировать роль науки в доктрине перестройки можно короткой цитатой из того же доклада: «В работе по перестройке экономики и хозяйственного механизма как никогда важна опора на науку»¹⁴⁰.

Миф о науке 1960-х годов в 80-е получает новый подъем, однако, как уже было сказано до этого, в отличии от 60-х параллельно с ним сосуществует сформированный антимиф.

В качестве выражения такой позиции можно привести высказывания Г. П. Щедровицкого, одного из основателей Московского логического кружка, в который входили также Б. А. Грушин, А. А. Зиновьев и М. К. Мамардашвили. В своих воспоминаниях о Зиновьеве Щедровицкий пишет: «в 1952 году, я сформулировал для себя основной принцип, который определял всю

---

¹³⁸ Горбачев М. С. Политический доклад центрального комитета КПСС XXVII съезду коммунистической партии Советского Союза. – С. 45.

¹³⁹ Там же. С. 35.

¹⁴⁰ Там же. С. 60.

дальнейшую мою жизнь и работу: для того чтобы Россия могла занять свое место в мире, нужно восстановить интеллигенцию России»¹⁴¹.

За следующие 30 лет его позиция существенно эволюционирует. В личных записях в 1982 году Щедровицкий пишет: «Постепенно выделяя себя как слой или даже как сословие, фиксируя себя как «умных» в противоположность «дуракам», убирая ореол мученика с «народа» и характеризуя его как «тупую массу» и «мучителей», советская интеллигенция вместе с тем проникалась ограниченным и тупым снобизмом, забывая о своей социокультурной функции, своих обязанностях и своем страстовом долге. Происходила удивительная психологизация и вульгарная социологизация культурных функций слоя. То решающее обстоятельство, что интеллигентом и «умным» можно быть лишь в том случае, если выполняешь свою социокультурную функцию внутри целого не осознавалось и не фиксировалось. «Ум» выступал как личный психологический атрибут того или иного человека, а не как социальная функция внутри общественного организма»¹⁴².

Не только партийно-государственная риторика и интеллигенция обращает свой интерес к науке. Для 1980-х годов в СССР также характерен большой общественный интерес к научным исследованиям. Косвенным подтверждением этого интереса можно считать многомиллионные тиражи научно-популярных журналов¹⁴³.

В 1981 году выпуск научно-популярной литературы в СССР составил 2451 наименование общим тиражом 83,2 млн. экземпляров. Тиражи научно-популярных журналов постепенно стали массовыми. Так, например, в 1980-е

---

¹⁴¹ Щедровицкий Г. П. Я всегда был идеалистом... – М. : Путь, 2001. – С. 202.

¹⁴² Щедровицкий Г. П. Указ. соч. – С. 203.

¹⁴³ Калабеков И. Г. СССР и страны мира в цифрах. – М., 2018. – С.280-282.

годы журнал «Наука и жизнь» выходил тиражом 3,4 млн. экземпляров, и по утверждению С.Г. Кара-Мурзы, «этих тиражей не хватало»¹⁴⁴.

В 1980-е увеличивается деятельность Клубов любителей фантастики (КЛФ). К.В. Ивашников, анализируя работу КЛФ, пишет, что развитая сеть клубов сложилась к середине 80-х годов¹⁴⁵.

Однако и в научной фантастике находит свое отражение сочетание мифа 1960-х и антимифа 1970-х годов. Комиссаров В.В. в исследовании, посвящённом анализу КФЛ отмечает наличие раскола в среде отечественных фантастов с 70х годов: «Во многом этот раскол был предопределен более глобальными общественными процессами. Происходит девальвация официальной идеологии, идея форсированного построения коммунизма и идеалы шестидесятничества отступают... Часть авторов объединилась в так называемую школу Ефремова, к которой сам И.А. Ефремов не имел отношения, ибо его уже не было в живых. В свою очередь Стругацкие организовали свои семинары молодых фантастов: Аркадий Натанович был одним из руководителей московского семинара, а Борис Натанович вел семинар в Ленинграде. Отношения между этими направлениями были несколько натянутыми»¹⁴⁶.

Невозможно провести четкое разграничение по социальной среде, которая являлась носителями мифа и антимифа о науке. Два противоречащих друг другу мировоззренческих конструкта могли не только соседствовать в представлениях одной и той же социальной среды, но в представлениях одного и того же человека. Для эпохи 1980-х характерно сочетание двух позиций:

---

¹⁴⁴ Кара-Мурза С. Г., Смирнов С. В. Манипуляция сознанием 2. – М., 2015. – С. 440.

¹⁴⁵ Ивашников К. В. Неформальные самодеятельные объединения в СССР : историко-культурный аспект. 1985-1991 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. – Москва, 2008. - С. 3.

¹⁴⁶ Комиссаров В. В. Движение любителей фантастики в провинциальном советском городе в 1980-е годы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – №2. – С. 24.

жажды научного прогресса и страха перед научным прогрессом; доверия к науке и скептицизма; возвышения научного сообщества и обвинения его в мещанстве и невежестве. Такое двойственное отношение проявляется как в интеллектуальной деятельности, так и в социально-политической сфере.

Ситуация осложнялось тем, что фактор «научности» стал заложником политической сферы. Различные политические силы обосновывали свою легитимность принадлежностью к научной сфере. От имени «науки» говорила, как и власть, так и группы, настроенные против советской власти, различные диссидентские движения.

Популярный тогда международный обозреватель А. Бовин в сборнике «Иного не дано» сформулировал характерную для той эпохи мысль: «Бесспорны некоторые методологические характеристики нового политического мышления, которые с очевидностью выявляют его тождественность с научным мышлением»¹⁴⁷.

Бовин видел в таком утверждении комплимент для «нового политического мышления». С.Г. Кара-Мурза отмечал, что такое утверждение для человека, знакомого с методологией науки должно было бы звучать как оскорбление политика, так как наука не имеет отношения к этическим нормам, с которыми политика обязана иметь дело¹⁴⁸.

Замечание С.Г. Кара-Мурзы метко и справедливо точки зрения методологии науки. Однако в понятийно-языковой среде, которая сложилась в публичном пространстве 1980-х утверждение Бовина казалось вполне корректным. Одной из важнейших характеристик как мифа, так и антимифа о науке в СССР была этическая нагрузка.

---

¹⁴⁷ Бовин А. Е. Перестройка: правда о социализме и судьба социализма // Иного не дано : судьбы перестройки, взгляды в прошлое, возвращение к будущему. - М. : Прогресс, 1988. - С. 145.

¹⁴⁸ Кара-Мурза С. Г. Потерянный разум. – М., 2005. – С. 503.

От партийных документов до песен русского рока, набравшего огромную популярность в 1980-е года, образ науки не оставался нейтральным по отношению к добру или злу.

Этическая нагруженность была и в 1960-е, однако вопросы этики и методология науки тогда еще не вступали в конфликт. Более того, этическая составляющая играла огромную мотивационную роль как для популяризации науки, так и для научной работы в целом. В конце 1960-х – начале 70-х этот конфликт проявился, что ярко видно по значительной доле научных сотрудников в диссидентском движении. В 1980-х этот конфликт обострился до критического состояния.

В публичной сфере этическое пересиливает научное в строгом смысле этого слова (с точки зрения методологии естественных наук). Слова «рациональность», «научное мышление» превращаются в политической сфере в метафоры этических утверждений. По сути они означают «правильно», «хорошо», «добро». Именно в том кроется тот парадокс, который отмечает С.Г. Кара-Мурза: «перестройка шла под знаменем “интеллектуализации” общественной жизни, эпитеты интеллигентный, компетентный, научный стали тогда высшей похвалой — а на деле происходил странный и угрожающий процесс оглушения властной элиты. Быстро деградировала способность к рефлексии — умению проанализировать прежние решения, извлечь уроки из ошибок, сделать прогноз будущего»¹⁴⁹.

Весьма показательно в приведенной выше цитате, что слово «интеллектуализация» взято в кавычки. Таким образом автор указывает на его использование в искаженном под нужды публичной политики смысле, а не в строго научном значении.

---

¹⁴⁹ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М. : Алгоритм, 2013. – С. 371.

Политико-публичная сфера отбирает слова у научного языка, наполняя их иным, этически нагруженным содержанием. Это становится одной из причин быстрой деградации способности к рефлексии. Язык политики теряет какую-либо возможность оперировать этически-нейтральными понятиями и выстраивать из них структурно непротиворечивую картину мира.

Даже сам призыв к рационализации в политико-публичной языковой среде теряет свое содержание, так как прочитывается как призыв к этикизации. По этой причине протест против насаждения государством и обществом этических норм выражается в антинаучных метафорах.

Одна из смыслообразующих песен «Красного альбома» (1987 год) культовой группы «Гражданская оборона» характеризует мир окружающей реальности не как злой, подлый или лживый, а как «зараженный логикой», - и при этом алогичный и некомфортный: «Окружѐнное небо. И тем не менее посметь остаться живым»¹⁵⁰. Лирический герой в стремлении остаться живым вынужден учиться выполнять абсурдные вещи: «Я научился кусать потолок. Я научился писать на воде. Я научился орать в пустоту. И мешать деревьям стоять на месте. Среди заражѐнного логикой мира». Очевидно, что мир данного художественного произведения логики (в прямом смысле этого слова) лишен.

В 1992 году на альбоме «Полундра» другой культовой группы 1980-х годов «Ноль» выйдет песня «Блуждающий биоробот». В этой песне окончательно вызревает та антинаучная риторика, которая расцветает в советском роке в 1980-е: «Вот так ученые уроды. Поганые цари природы. Уж скоро жатва, урожай. Плоды трудов своих вкушай»¹⁵¹.

---

¹⁵⁰ Летов Е. Среди зараженного логикой мира. URL: <http://www.gr-oborona.ru/texts/1056962907.html> (дата обращения: 20.06.2018).

¹⁵¹ Чистяков Ф. Блуждающий биоробот. URL: <http://www.lyricsworld.ru/Fedor-CHistyakov/Bluzgdayuschiy-biorobot-601339.html> (дата обращения: 20.06.2018).

Блуждающим биороботом в песне назван советский человек, оказавшийся в мировоззренческом тупике: «Какое же светлое завтра. Готов ты еще рвануться. Блуждающий биоробот. Ну надо же так...». Причиной, по которой советский человек оказался в этом тупике, становится наука. Человек становится пассивной жертвой: «А по какому делу. И по какому праву. Мы глотаем отраву. Они чинят расправу».

Собственно, он даже уже и не человек, а именно биоробот. Такая метафора призвана сказать, что наука не только (и даже не столько) изменила его физическое состояние, а прежде всего, лишила его души. Собственно это и отличает биоробота от человека. В восприятии автора Федора Чистякова наука выполняет не просто этическую роль, но уже религиозную. И роль эта резко негативная.

Выше мы указывали на оформление в творчестве Стругацких противопоставления науки и мира естественной природы (в повести Малыш – природы неисследованной планеты). В «Блуждающем биороботе» идея такого противопоставления высказывается коротко и ясно: «Побеждена природа. Кто побеждал молодец. В награду за эту угоду. К нам в гости несется п*здец».

В творческом восприятии Чистякова в 1992 году природа уже побеждена, царит ощущение обреченности и безысходности. Однако такая обреченность проявлялась в творчестве культовых советских рок-исполнителей уже в 80-е. Примером такого творчества может служить одна из самых популярных песен группы Крематорий «Мусорный ветер»¹⁵².

В тексте Армена Григоряна не присутствует открытого противопоставления природы и науки, она формулируется метафорично: «А все от того, что мы. Любили ловить ветра. И разбрасывать камни». Зато в песне

---

¹⁵² Григорян А. Мусорный ветер. URL: <http://www.crematorium.ru/archive/texts?id=609> (дата обращения: 20.06.2018).

прямо прописывается этическое содержание данного противопоставления: «Мусорный ветер, дым из трубы. Плач природы, смех сатаны».

Актуальность этического вопроса к 1980-м годам не снижается, при этом идет поиск материального или социального воплощения этого зла. Миф о науке 1960-х связывал понятия наука-правда-добро в неразрывный комплекс. К 70-м годам антими́ф отбросил данную установку. К 1980-м антими́ф выработал свою альтернативную связку природа-добро, которую противопоставил науке.

Отдельного исследования заслуживает сам образ Природы в антими́фе. Попытки детализировать этот образ сталкиваются с его внутренней противоречивостью. Однако для нашей темы нам необходимо обозначить несколько важных характеристик этого образа.

Первой характеристикой Природы является её «естественность», то есть отсутствие какого-либо воздействия со стороны науки и техники. Все, что как-то связано с городом, промышленностью, наукой, антагонично природе.

Второй характеристикой Природы является её принадлежность к телеологической картине мира. Мы уже неоднократно указывали, что антими́ф не изменял основополагающие мировоззренческие конструкции самого мифа о науке, но наполнял их другим этическим содержанием. Здесь мы видим, как меняется не этическое содержание, но материальное воплощение этого содержания.

Если в третьей Программе КПСС телеологические свойства распространялись на все сферы жизни, все должно было идти к одной великой цели – к коммунизму, то в экологической трактовке антими́фа телеологическими свойствами наделялась только природа. Конечно, природа, не идет буквально к коммунизму, описанному в Программе. Однако то «естественное» состояние, к которому природа должна была бы без

постороннего вмешательства прийти «сама» воспринимается как благое и противопоставляется текущему состоянию дел.

В книге «Советская цивилизация» С.Г. Кара-Мурза, рассматривая примеры манипуляции массовым сознанием в конце 1980-х в СССР, описывает мировоззренческие установки активистов движения против «поворота рек»: «По сути, вопрос ставился до предела фундаментально: "Не троньте Природу!". Причем эта предельная фундаментальность превращалась именно в предельную абсурдность потому, что касалась воды и звучала почти буквально как "Не троньте воду!". Организаторов кампании якобы возмущала сама идея перемещения воды в пространстве. Как это так - взять воду в Оби и переместить на Юг! Мол, Бог направил Обь на Север, так не троньте»¹⁵³

В структурах экологических мифов ярко проявляется сочетание исследуемых в данной работе социально-психологических явлений: сочетание мифа и антимифа о науке, этическая загруженность восприятия научной деятельности, экспроприация у профессионального слоя научных терминов непрофессиональными сообществами. Такое сочетание порождало атипичные формы мышления, которое можно назвать турбулентными. Турбулентное мышление порождало кратковременные, часто внутренне противоречивые идеи, подобно тому как при турбулентном течении жидкости или газа наблюдается хаотическое движение вихрей или газа. Описать точные физические закономерности такого движения таких вихрей невозможно.

Социально-общественная практика организованная на базе турбулентного мышления является ярким примером экономически негативного поведения системы. Другими словами кризис рационального мышления приводит к экономическим потерям.

---

¹⁵³ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. – М. : Эксмо, 2011. – С. 920.

Приведем в пример ситуацию с так называемым «нитратным бумом», описанную С.Г. Кара-Мурзой¹⁵⁴. Он сам являлся свидетелем данного события и может быть рассмотрен как эксперт по вопросам химии (С.Г. Кара-Мурза является доктором химических наук).

Автор описывает информационный бум в советских СМИ, вызванный публикацией о том, что в овощах советского производства наблюдается предельно допустимая концентрация нитратов, вызванная излишним удобрением почв. Именно с этим связывался высокий процент психических заболеваний и случаев девиантного поведения среди студентов, которых кормили отравленными овощами. Кара-Мурза указывает, что эта информация совершенно не соответствовала действительности.

Разбираясь в том, как разворачивался информационный бум, Кара-Мурза указывает: «Одним из главных манипуляторов стал поэт Андрей Вознесенский. Он опубликовал в «Огоньке» паническую статью-дезинформацию... А. Вознесенский даже привел «научные» данные: дескать, «предельно допустимая концентрация» (ПДК) нитратов составляет 11 мг/кг. Ясно, что советская власть травит студентов. Тогда после потока таких статей начался театр абсурда: с овощных баз начали вывозить на свалку лук и морковь»¹⁵⁵.

Экспроприруя научную терминологию, Вознесенский выступает против излишнего, по его мнению, участия химической промышленности в сельском хозяйстве (по сути, желая оставить природу в более «естественном» состоянии). Если использовать метафору языка как оружия, то можно сказать, что поэт отобрал у науки её оружие и направил против неё же. Результатом этой интеллектуальной операции стал «театр абсурда» и ущерб в экономической деятельности.

---

¹⁵⁴ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М. : Алгоритм, 2013. – С. 395.

¹⁵⁵ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М. : Алгоритм, 2013. – С. 396.

Данный пример не является исключительным для конца 1980-х годов. Подобного рода информационные вбросы представляли собой непрерывный поток, формируя целую мифологию перестроечного времени. Кара-Мурза приводит пример, когда один «экологический» миф подкрепляет другой: «Нитратный психоз был создан, чтобы подкрепить распространенный в то же время, наряду с «тракторным» мифом, миф об удобрениях. Говорилось, что абсурдная плановая экономика заставляет бедных русских крестьян заваливать поля удобрениями. На деле в самом лучшем случае, в 1988 г. в СССР было внесено 122 кг удобрений на 1 гектар (при том, что вынос питательных веществ с урожаем составлял 124 кг). В Голландии, которую нам тогда же ставили в пример как идеал сельского хозяйства, вносилось 808 кг удобрений на 1 га»¹⁵⁶.

С. Г. Кара-Мурза приводит еще несколько примеров подобных «экологических» мифов в качестве примеров манипуляции массовым сознанием. Манипуляции не являются предметом нашего исследования, но наше исследование делает попытку ответить на вопрос, почему именно общество в целом и научное сообщество в частности потеряло способность к рациональному анализу и стало совершенно уязвимым перед этими манипуляциями.

Экологическая тематика охватывает политическую сферу. По оценкам социологов, «вес» экологических проблем в предвыборных программах 1989 г. составлял 72%¹⁵⁷.

19 февраля 1990 года Михаил Горбачев выступил с обращением к участникам «Глобального форума по защите окружающей среды и развитию в целях выживания», где заявил о необходимости «экологизации» политики: «Что мы под этим понимаем? Это, прежде всего, коренное изменение характера производственной деятельности с точки зрения ее экологических последствий.

---

¹⁵⁶ Там же. С. 404.

¹⁵⁷ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М. : Алгоритм, 2013. – С. 412.

...Экологизация политики - это новый взгляд на проблему потребления, его рационализация»¹⁵⁸.

Лозунг «Экологизация политики» означает, что важнейшие политические решения стали приниматься под воздействием турбулентного мышления. Трагические последствия таких решений не заставили себя долго ждать.

Уже в середине 1980-х годов можно найти примеры принятия подобных решений, нанесших впоследствии экономический ущерб. Особо показательным примером может служить история со сворачиванием программы переброски части стока сибирских рек в Казахстан и Среднюю Азию, или, проще говоря, поворота сибирских рек. В данной работе это историческое событие уже упоминалось в контексте разбора понятия Природа в экологических мифах 1980-х годов.

Пресная вода является важнейшим ресурсом как жизнеобеспечения, так производства. Непропорциональное распределение водных и трудовых ресурсов друг относительно друга часто в истории приводило человечество к необходимости перераспределять водные ресурсы на поверхности земного шара. Водные каналы могли служить не только для переброски воды, но и в качестве торгово-транспортных путей.

В истории нашей страны такое происходило неоднократно. Крупные водохозяйственные системы строились с XVIII века. Канал Москва-Волга, построенный в 1930-е годы, обеспечил надежное водоснабжение Москвы и Подмосковья и соединил Москву водными путями с Балтийским, Белым, Азовским и Черным морями.

---

¹⁵⁸ Хроника внешнеполитических событий в СССР / Международный Фонд социально-экономических и политологических исследований. URL: http://www.gorby.ru/archival/expocenter/vneshpolitika/show_29326/ (дата обращения: 20.06.2018).

Биоклиматический потенциал земель бассейна Аральского моря при орошении в 6-7 раз превышал бы средние показатели по СССР. Это обусловлено высоким природным плодородием почв, теплым климатом и длительным вегетационным периодом, позволяющим во многих местах получать даже по два урожая. Пригодных для земледелия, но засушливых земель здесь было около 20 млн. га, из них использовалось с орошением 7 млн. При этом возможности водоснабжения за счет местных источников были исчерпаны полностью. Доставка воды для орошения означала бы введение в оборот около 13 млн. га с таким биоклиматическим потенциалом, что это было бы эквивалентно 80-90 млн. га средних по СССР земель¹⁵⁹.

Однако в рамках турбулентного мышления 1980-х этот проект был переосмыслен как крайне вредный для экологической обстановки в СССР. Кара-Мурза, комментируя данное убеждение, отмечал удивительную противоречивость высказываемых тезисов (некогерентность мышления¹⁶⁰): противники поворота рек одновременно возмущались экологической ситуацией в Аральском море, и ставили это в вину советскому государству. Мы видим пример выразительного отрыва мышления от реальности, при этом телеологическая концепция мира сохраняется. Экологический миф не пытается разработать какое-то альтернативное повороту рек решение проблемы Аральского моря, он просто предлагает убрать все «противоестественные» с его точки зрения преграды. В данном случае основной преградой становится государство.

Интересно, что разработка проекта поворота рек активно разрабатывается в 60-е годы XX века, когда мы наблюдаем расцвет мифа о науке. В 1980-е годы экологический миф рассматривает: «... эту программу как порождение тупой

---

¹⁵⁹ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. – М. : Эксмо, 2011. – С. 940-972.

¹⁶⁰ Кара-Мурза С. Г., Смирнов С. В. Манипуляция сознанием 2. – М., 2015. – С. 325.

советской системы ... типичное порождение технократического советского ("сталинского") плана преобразования природы»¹⁶¹.

В отличие от «нитратного бума», в котором мнение академического сообщества по большей части игнорировалось, в вопросе о повороте рек можно зафиксировать раскол академического сообщества. Против проекта, разрабатываемого в течение 20 лет учеными, публично выступают другие ученые.

Группа академиков подписала подготовленное активным противником проекта акад. А. Л. Яншиным (по специальности — геологом) письмо в ЦК «О катастрофических последствиях переброски части стока северных рек». Академик Л. С. Понтрягин написал личное письмо М. С. Горбачёву с критикой проекта.

Интересно отметить, что Лысенко вменялась в вину обращение к партийным органам для борьбы со своими оппонентами в сфере науки. Яншин таких обвинений в свой адрес не получил. Причина такого различного отношения к формально одинаковым действиям лежит в этической оценке их «научной» работы. Деятельность Лысенко и проект поворота рек оценивалась негативно, прежде всего, с точки зрения этики, а потому борьба с ними воспринималась как борьба со злом.

14 августа 1986 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совмина СССР "О прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек". По воспоминаниям С.Г. Кара-Мурзы: «Оно было встречено ликованием»¹⁶². Он также ссылается на слова Р. Баландина, работавшего в 1970-е годы главным гидрологом Аральской гидрогеологической партии: «В этом порыве оказались в одном лагере русофилы и русофобы, тогдашний

---

¹⁶¹ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М., 2013. – С. 187.

¹⁶² Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием. – С. 366.

генсек КПСС и крупные ученые, патриоты СССР и антисоветчики, прозападные активисты и приверженцы евразийской великой России»¹⁶³.

Таким образом, мы видим, что даже для различных идеологических направлений мысли этическая сторона вопроса оказывалась доминирующей в данном случае. Более того, для всех них «естественность» природы считалась неопровержимым благом, а научно-техническое воздействие на природу противоестественным злом.

Научные методы и рациональный анализ уходят в тень перед этическими трактовками вопроса. Общественное мнение признает правыми тех учёных, кто делает выбор в пользу этики, оформленной в наукообразных терминах.

С середины 1980-х годов наступает время ученых, которые выступают против науки как системы; государственных деятелей, которые выступают против государства; экологических акций, которые приводят к трагическим экологическим последствиям. В 1989 году Аральское море распалось на два изолированных водоёма — Северное (Малое) и Южное (Большое) Аральское моря. В 2014 году восточная часть Южного (Большого) Аральского моря полностью высохла, достигнув в тот год исторического минимума площади всего моря в 7297 км². До начала обмеления Аральское море было четвёртым по величине озером в мире.

Ведущий социолог Института социологии РАН, исследователь экологических движений в СССР О.Н. Яницкий пишет: «1987—1988 гг. были коротким периодом всеобщего экологического энтузиазма в СССР. Борьба экологически ориентированной интеллигенции и поддерживающих ее экологических групп, казалось, увенчалась успехом: проект переброски части стока сибирских рек на юг был закрыт, ряд наиболее экологоопасных

---

¹⁶³

Там же.

предприятий остановлены. По всей стране прошли массовые экологические митинги; экологические движения»¹⁶⁴.

Столь недолгий срок популярности экологических движений нередко объясняется политическими причинами. Например, экологические движения использовались для своих целей политическими силами, направленными против советского государства: «Экологические конфликты в республиках Прибалтики послужили стимулом к созданию Народных фронтов в защиту перестройки и моральной легитимизации их борьбы за экономическую независимость, а затем и выход из СССР ... В феврале 1989 г. состоялась первая в СССР массовая (более 300 тыс. участников в 100 городах страны) антиправительственная акция протеста против строительства канала Волга-Чограй»¹⁶⁵.

Мы полагаем, что и социально-психологическое состояние экологически ориентированной интеллигенции также не давало возможности долго просуществовать единому экологический массовому движению, которое разделяло бы единый экологический миф. Однако для темы нашего исследования важно отметить антиправительственный и даже антигосударственный настрой экологического движения и, в частности, экологически настроенной интеллигенции.

Антигосударственный настрой интеллигенции вообще был характерен для конца 1980-х годов: «... стояла задача разрушить советское государство как основу советского строя. Поднимите сегодня подписку «Огонька», «Столицы», «Московского комсомольца» тех лет - та же захлебывающаяся радость по поводу любой аварии, любого инцидента»¹⁶⁶.

---

¹⁶⁴ Яницкий, О. Н. Эволюция экологического движения в современной России // Социологические исследования. – 1995. – № 8. – С. 22.

¹⁶⁵ Там же. С. 24.

¹⁶⁶ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М., 2013. – С. 287.

Носителем антигосударственных идей были не только диссиденты. Ссылаясь на книгу-отчет по опросам 1989-1990 гг. «Есть мнение», С.Г. Кара-Мурза приводит общий вывод: «Носителями радикально-перестроечных идей, ведущих к установлению рыночных отношений, являются по преимуществу представители молодой технической и инженерно-экономической интеллигенции, студенчество, молодые работники аппарата и работники науки и культуры»¹⁶⁷.

Корнями антигосударственные настроения уходят в те же телеологические представления, которые лежали и в корне третьей Программы КПСС и в экологическом мифе. «Естественное» развитие системы должно привести её к благу, а если этого не происходит, значит, системе мешают некие «противоестественные» элементы. Для третьей Программы таким элементом был мировой капитализм-империализм, для Сахарова в конце 1960-х - бюрократия и сталинизм, для экологических движений – наука и техника, государство.

Естественнонаучная и техническая интеллигенция в стремлении сохранить основные элементы системообразующего для своей социальной группы мифа – мифа о науке 1960-х годов – должна была найти такую же «противоестественную» силу. Этой силой стали советское государство и плановая экономика.

По сути, такие выводы не нарушали основную логику третьей Программы КПСС, в которой четко проговаривалась связка общественно-политического устройства страны и условий для развития науки. К 1980-м в представлении многих ученых советское государство дискредитировало себя в качестве гаранта безграничного научного прогресса. Местом прогрессивного развития науки был назначен Запад.

---

¹⁶⁷ Там же. С. 294.

Мы видим очередной пример сочетания мифа и антими́фа, в котором рациональный анализ отходит на второй план. Выбор рынка и демократии был сделан не на основе рационального анализа, а на основе рационализации этической оценки. В своих воспоминаниях о 1980-х годах в интервью 1996 года создатель клуба «Перестройка» Петр Филиппов описал этот выбор так: «Хотелось рынка!»¹⁶⁸.

На примере Филиппова можно проследить социально-психологическую эволюцию представителя технической интеллигенции, который встает на антигосударственные позиции в 1970-е, а в конце 80-х становится активным сторонником проводимых реформ.

Филиппов поступает в Ленинградский институт авиационных приборов в 1962 году, в то время когда миф о науке находится в самом расцвете. По специальности он был радиоинженером, но, как сам указывает в своих воспоминаниях, в студенческие годы сильно увлекался экономикой¹⁶⁹: «Мне казалось, что путем внедрения вычислительной техники мы можем навести наконец в стране порядок, поэтому я пошел в автоматизированные системы управления, стал их проектировать».

Надо делать поправку на то, что интервью Филиппов дает в 1996 году, когда миф о построении коммунизма в общественном мнении уже кажется нелепым и наивным. Поэтому напрямую связку о построении коммунизма и научного развития в словах Филиппова не озвучивает, построение коммунизма заменено на «наводить, наконец, порядок».

Филиппов так описывает свою трудовую биографию: «Был начальником лаборатории на Кировском заводе. Потом возглавлял вычислительные центры

---

¹⁶⁸ Филиппов П. С. Видеозапись интервью 1996 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IbF3Qz1PHoM&t=1407s> (дата обращения: 20.06.2018). Минута 10.

¹⁶⁹ Там же. Минута 21.

на заводе подъемно-транспортного оборудования. Написал диссертацию «Исследование локального критерия оптимальности», в котором показал, что интересы директоров предприятий в условиях плановой экономики противоречат интересам всего населения, потому что если тебе задают план, то для того, чтобы этот план выполнить, для того чтобы сохранить директорское место, нужно как можно больше ресурсов. Больше фонда заработной платы, больше станков, сырья и пр. Попытки автоматизировать такие интересы в рамках автоматизированной системы управления приводили просто к чудовищным результатам. Но меня не выпустили на защиту. Сказали что это антисоветская диссертация. И поэтому и речи быть не может»¹⁷⁰.

Эти мысли и биографические данные полностью соответствуют важному для технической и естественно-научной интеллигенции мифу о «запрете кибернетики в СССР». В среде технической и естественнонаучной интеллигенции с 1960-х годов осмыслялась претензия научного сообщества на политическую гегемонию в стране. Претензия занять руководящее положение в государственной и партийной структуре рационализировалась в идее кибернетики, или, говоря словами Филиппова, идее о том, что «путем внедрения вычислительной техники мы можем навести наконец в стране порядок».

Признание диссертации Филиппова антисоветской, по сути, было актом идеологической борьбы различных социальных групп за политическую гегемонию в стране. Однако и сама диссертация воспринималась таким же актом.

Мы хотим подчеркнуть, что не даем оценку научной корректности диссертации Филиппова. Вне зависимости от корректности научных

---

¹⁷⁰ Филиппов П. С. Видеозапись интервью 1996 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lbF3Qz1PHoM&t=1407s> (дата обращения: 20.06.2018). Минуты 21-24.

исследований, они могут быть восприняты в контексте идеологического противостояния как акт борьбы.

На примере Филиппова мы видим, как предпосылки для противостояния научного сообщества и советской бюрократии формировались еще в 1960-х годах, более того, они формировались именно в контексте мифа о науке.

В 1970-е Филиппов уходит в так называемую внутреннюю иммиграцию. События тех лет он описывает так: «Тогда я взялся писать книгу. По российской традиции она так и называлась «Что делать?». Организовал мелкий бизнес, стал копить деньги на революцию. Мы были уверены, что рано или поздно нам придется в этой стране что-то менять, но на это нужны деньги»¹⁷¹.

Интерес вызывает уверенность Филиппова в том, что ему и его единомышленникам в будущем предстоит новый этап противостояния с советской системой. В то время, когда политическое руководство страны признавалось, что «мы не знаем общества в котором живем», Филиппов копил деньги на революцию. В конце 80-х: «Деньги пригодись. На эти деньги мы провели первые выборы. Сначала в верховный совет СССР. Я был организатором кампании Юрия Болдырева в 1989 году»¹⁷².

Идея рынка в конце 1980-х также корнями уходит в телеологические представления. Рынок в экономических мифах Перестройки является своего рода аналогом Природы в экологических мифах. Рынок должен быть свободным от вмешательства государства и планового регулирования, а природа - от вмешательства города с его наукой и техникой. Сибирские реки пусть текут север, а цивилизация развивается на Запад. Другого не дано, и только такой путь приведет всех к благу.

---

¹⁷¹ Филиппов П. С. Видеозапись интервью 1996 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IbF3Qz1PHoM&t=1407s> (дата обращения: 20.06.2018). Минута 25

¹⁷² Там же.

Эволюция идеи кибернетики в идею рынка идет под воздействием на техническую и естественнонаучную интеллигенцию антимифа о науке. Миф 1960-х порождает претензию интеллигенции на гегемонию, бюрократия должна была встать в подчинение научным кадрам. Сочетание мифа и антимифа 1980-х порождало иное представление: наука уже должна была преклоняться перед неким естественным течением бытия. Вода должна течь туда, куда она сама течет; рынок должен расставить все на свои места по своим естественным законам. При этом в телеологической картине мира эти законы должны были все сделать справедливо и совершенно.

Роль науки сводилась к определению условий для реализации максимально «естественного» течения бытия. Понятие «естественности», как мы уже сказали выше, было внутренне противоречивым с точки зрения рационального анализа и являлось этической характеристикой, поэтому определять условия для реализации максимально «естественного» течения бытия должны были этические авторитеты от науки.

Ярким примером такого авторитета был Сахаров. Его выступления и сочинения, касающиеся политического и экономического устройства СССР в высокой степени этически заряжены. «Научными» слова Сахарова делал статус академика.

Миф о борьбе с кибернетикой в СССР нес в себе трагическое содержание. Это история о том, как научное сообщество пыталось, но не смогло стать гегемоном. Миф о запрете генетики в СССР, наоборот, был историй с победным концом. Содержательная часть мифа сводилась к тому, что научное сообщество само наказало тех своих членов, которые прибегали к помощи государственной бюрократии в решении научного спора.

В 1980-е миф о запрете генетики в СССР переживает новую волну популярности. В 1986 году, спустя тридцать лет с момента своего завершения,

выходит в печати социально-философский роман Владимира Дудинцева «Белые одежды». В 1988 году роман был отмечен Государственной премией СССР.

Мы не ставим задачи разобрать в данной работе содержательную часть спора между научными школами Лысенко и Вавилова. Здесь речь идет именно о том мифологизированном представлении, которое сложилось вокруг данного исторического события. Мифом о запрете генетики в СССР и победе над «Лысенковщиной» научное сообщество провозглашало недопустимость вмешательства советской бюрократии во внутренние дела науки как социального сообщества.

В 1980-е провозгласили, что наука должна была также освободиться от внешнего «противоестественного» влияния государства в целом и государственной бюрократии в частности. Наука должна была развиваться «естественно», подобно тому как «естественно» течет вода в сибирских реках.

Отказ от «поворота рек» привел к почти полному исчезновению Аральского моря на сегодняшний день. Отказ государства от значительной части экономической поддержки науки в 90е привел огромному сокращению научной деятельности и кадрового состава научного сообщества России и стран СНГ.

Сочетание мифа и антимифа в среде научного сообщества породило не только антагонистическое отношение к государственной бюрократии, но и к Академии наук.

С.Г. Кара-Мурза, анализируя антигосударственные настроения интеллигенции пишет: «Интеллигенцию соблазнили на отщепенство от государства лозунгами демократии и свободы. Академия наук стала чуть не

главным объектом атаки ученых-демократов!»¹⁷³. В качестве примера таких рассуждений, С.Г. Кара-Мурза приводит следующие слова известного общественного деятеля и литературоведа Леонида Баткина из книги «Иного не надо»: «Зачем министр крестьянину - колхознику, кооператору, артельщику, единоличнику?.. Зачем министр заводу?.. Зачем ученым в Академии наук - сама эта Академия, ставшая натуральным министерством?»¹⁷⁴.

В представлениях Баткина любое руководство – это «противоестественный» элемент. По сути, такое утверждение является последовательным и окончательным выражением телеологической установки по отношению к управлению любой социально-экономической системой. Если мир устроен так, что сам движется к какой-то определенной цели, то зачем вообще нужны какие-либо начальники? Они могут только мешать.

Такой уровень телеологических представлений в мышлении входит в прямое противоречие с рациональными методами мышления и методологией науки. Если на основании подобных мыслительных практик принимаются управленческие решения в сложном городском обществе, то это может не привести к кризису только в силу удачного стечения обстоятельств и то на короткий период времени.

Однако даже этот вариант был невозможен в случае с телеологическими построениями 80-х, так как они были склонны к разрушению, в отличие от аналогичных построений 60-х годов.

Телеологические концепции в мифических и идеологических построениях появились задолго до 1960-х годов XX. Телеологические построения свойственны еще древним религиозным формам мышления. В истории европейской философии их истоки восходят к энтелехии Аристотеля.

---

¹⁷³ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – С. 283.

¹⁷⁴ Там же. С. 284.

В истории русской революционной мысли телеологические построения можно отследить с творчества Герцена. Для целей нашего исследования полезно обратиться к работе Ф. Л. Франка «Этика нигилизма», впервые вышедшей в сборнике «Вехи» в 1909 году.

В своей работе Франк делает описание социально-психологического состояния русской революционной интеллигенции второй половины XIX века и дает характеристику её нравственного мировоззрения. С удивительной точностью его выводы можно повторить и для интеллигенции конца XX века:

«В основе революционизма лежит тот же мотив, который образует и движущую силу социалистической веры: социальный оптимизм и опирающаяся на него механико-рационалистическая теория счастья. Согласно этой теории, как мы только что заметили, внутренние условия для человеческого счастья всегда налицо и причины, препятствующие устройению земного рая, лежат не внутри, а вне человека – в его социальной обстановке, в несовершенствах общественного механизма. И так как причины эти внешние, то они и могут быть устранены внешним, механическим приемом. Таким образом, работа над устройением человеческого счастья, с этой точки зрения, есть по самому своему существу не творческое или созидательное, в собственном смысле, дело, а сводится к расчистке, устранению помех, т. е. к разрушению. Эта теория – которая, кстати сказать, обыкновенно не формулируется отчетливо, а живет в умах как бессознательная, самоочевидная и молчаливо подразумеваемая истина, – предполагает, что гармоническое устройство жизни есть как бы естественное состояние, которое неизбежно и само собой должно установиться, раз будут отменены условия, преграждающие путь к нему; и прогресс не требует, собственно, никакого творчества или положительного построения, а лишь ломки, разрушения противодействующих внешних преград»¹⁷⁵.

---

¹⁷⁵ Франк С. Л. Этика нигилизма // Вехи. Из глубины. – М. : Правда, 1991. – С.172-176.

Революционно настроенная часть технической и естественнонаучной интеллигенции в 80-х годах XX века увидела необходимость в ломке таких преград в лице советского государства и академии наук, то есть тех форм социального политического и экономического устройства, которые обеспечивали их собственное экономическое существование.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Естественнонаучная и техническая интеллигенция как социальная группа выступила в поддержку тех экономических, политических и социальных изменений, которые проводились в конце 80х – начале 90х годов XX века в нашей стране. Отдельные представители естественнонаучной и технической интеллигенции выступили в качестве идеологов реформ, а также активно способствовали внедрению реформистских идей в общественное сознание.

Научного сообщество СССР проявило свою неспособность рационально анализировать собственные интересы и выстраивать стратегию развития на базе рационального знания. Проведенные реформы впоследствии нанесли значительный экономический, социально-политический, профессиональный и моральный ущерб естественнонаучной и технической интеллигенции как социальной группе.

Данная работа представляет собой анализ того, какие социально-психологические механизмы привели к кризису рационального мышления естественнонаучной и технической интеллигенции в области анализа общественно-политических процессов.

В работе показано, что одной из важнейших предпосылок данного кризиса стали общественные представления о науке в СССР в период с 1960-х по 1980-е годы, сформированные на основании телеологических представлений об окружающем мире. В общественном сознании граждан СССР доминировало представление о том, что развитие крупных социальных и природных систем движимо какой-либо внутренней силой, потенциально содержащей в себе и цель, и окончательный результат.

Различные социальные группы создавали различные мировоззренческие реализации телеологических установок (телеологические мифы), которые отличались друг от друга выбором конкретной цели, а также формой движущей силы.

Миф о науке 1960-х годов конечной целью развития человечества как системы провозглашал коммунизм, а внутреннюю силу движущую силу связывал с научно-технический прогрессом. На рубеже 60-х – 70-х годов начал формироваться антими́ф, в рамках которого отрицались данные установки. Однако отказа от телеологических представлений в рамках антими́фа не произошло – в 70-е годы начались поиски альтернативного образа конечной цели развития и внутренней движущей силы.

В 1980-е годы миф и антими́ф сосуществуют в общественном сознании и в рамках собственных представлений технической и естественнонаучной интеллигенции о себе.

В работе показано, как вследствие телеологических установок в общественном сознании образ науки как системы знаний был нагружен этическим содержанием. Наука не воспринималась как этически нейтральное знание, а ученый наделялся морально-нравственным авторитетом.

В 1960-х годах социально-психологическое состояние и общественно-политическая ситуация в СССР давали возможность научному сообществу совмещать функции морально-нравственного авторитета и разработчика рационального знания об окружающем мире. Однако к 80-м годам эти функции вошли в противоречие, что проявилось в мировоззренческом кризисе как отдельных ученых, так и технического и естественнонаучного сообщества в целом. В сфере профессиональной деятельности доминирующими принципами оставались рационализм и научная методология, но в общественно-

политической сфере стала доминировать роль морально-нравственного авторитета.

Рациональный анализ отходит на второй план в сравнении с этическими вопросами, при этом этическая проблематика 1980-х годов в вопросах науки полна внутренних противоречий, которые произрастают из сочетания в общественном сознании мифа и антимифа о науке.

Сфера общественно-политической мысли в 1980-е годы приходит в состояние хаоса, в котором доминирующими становятся простые идеологемы с сильным этическим зарядом. Как правило, такие идеологемы носят деструктивный характер, настроенный на ликвидацию каких-то крупных социальных или хозяйственных систем. Примером могут служить антигосударственная и антиакадемическая идеологемы, получившие широкое распространение в среде естественнонаучной и технической интеллигенции в 1980-е годы.

Внутренняя противоречивость этической проблематики в 1980-е годы носит динамический характер, что приводит к формированию особого механизма мышления (турбулентного мышления), для которого характерно короткое время жизни мыслительных построений в общественном сознании, а также высокая значимость случайных факторов при формировании новых мыслительных построений.

В общественном сознании научная терминология экспроприруется морально-нравственной риторикой. Этическая дискуссия и политическая полемика ведутся в наукообразной форме. Научное сообщество теряет свою гегемонию на профессиональный язык. Возможность вести дискуссию на основе рациональных доводов блокируется вследствие потери основного инструмента – языка рациональных понятий.

ВЫВОДЫ

Кризис рационального мышления естественнонаучной и технической интеллигенции в области анализа общественно-политических процессов развивался вследствие следующих социально-психологических факторов:

1. Наделение науки как системы знания этическим содержанием, основанное на телеологических представлениях о развитии природы и общества.

2. В 1980-е годы в СССР представления технической и естественнонаучной интеллигенции о себе содержали массу внутренних противоречий, сформировавшихся одновременно на положениях мифа о науке 1960-х годов и антимифа 1970-х годов.

3. В 1980-е годы в СССР профессиональный язык технических и естественнонаучных дисциплин в публичном пространстве экспроприруется сферой этики и политики. Техническая и естественнонаучная интеллигенция теряет свою гегемонию на естественнонаучную терминологию. Возможность вести дискуссию на основе рациональных доводов блокируется из-за потери основного инструмента – языка рациональных понятий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

1. Горбачев, М. С. Политический доклад центрального комитета КПСС XXVII съезду коммунистической партии Советского Союза / М. С. Горбачев // Избранные речи и статьи . – Т. 3: [окт. 1985 г. - июль 1986 г.]. - М. : Политиздат, 1987. – 510 с.
2. Григорян, А. Мусорный ветер [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.crematorium.ru/archive/texts?id=609> (дата обращения: 20.06.2018).
3. Ефремов, И. А. Туманность Андромеды : Роман / Иван Ефремов. – М. : Мол. гвардия, 1984. – 335 с.
4. Игрунов, В. В. Речь на Международной научной конференции «Диссидентское Движение в СССР. 1950-е – 1980-е». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-dissid/smysl/articl_diss/vchk-vin-dissid-dem_mov-speech_92.html (дата обращения: 20.06.2018).
5. Капица, П.И. Будущее науки (стенограмма речи на Международном симпозиуме в Праге по планированию науки) / П.И. Капица // Наука о науке: сборник статей. – М.: Изд-во «Прогресс». – 1966. – С. 107–131.
6. Летов, Е. Среди зараженного логикой мира [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.gr-oborona.ru/texts/1056962907.html> (дата обращения: 20.06.2018).
7. Материалы XXII съезда КПСС. – М.: Госполитиздат, 1962. – 464 с.

8. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14-15 июня 1983 г. – М. : Политиздат, 1983. – 80 с.
9. Письмо 62 писателей в защиту Даниэля и Синявского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://public.wikireading.ru/4266> (дата обращения: 20.06.2018).
10. Программа Коммунистической партии Советского Союза : Принята XXII съездом КПСС. – М.: Госполитиздат, 1961. – 144 с.
11. Сахаров, А.Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе / А. Д. Сахаров. – Frankfurt / М. : Посев, 1968. – 61 с.
12. Солженицын А.И. На возврате дыхания и сознания (По поводу трактата А. Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе») [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_sovetskom_soyuze/na_vozvrate_dihaniya_i_soznaniya.pdf (дата обращения: 20.06.2018).
13. Солженицын, А. И. Образованщина / А. И. Солженицын // Новый мир. – 1991. – №5. – С. 28-46.
14. Стругацкий, А. Н. Град обреченный / А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 478 с.
15. Стругацкий, А. Н. Малыш / А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. – М. : АСТ, 2016. – 222 с.
16. Стругацкий, А. Н. Пикник на обочине / А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. – М. : Астрель, 2012. – 189 с.
17. Стругацкий, А. Н. Понедельник начинается в субботу / А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. – М. : Дет. лит., 1979. – 320 с.

18. Стругацкий, А. Н. Страна багровых туч / А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. – М. : Детгиз, 1960. – 295 с.

19. Стругацкий, Б. Н. Комментарии к фантастической повести «Улитка на склоне». Выступление и беседа в Красной гостиной ленинградского Дома писателя им. В. В. Маяковского 13 апреля 1987 года [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://modernlib.net/books/strugackiy_boris/kommentarii_k_fantasticheskoy_povesti_ulitka_na_sklone/read/ (дата обращения: 20.06.2018).

20. Филлипов, П. С. Видеозапись интервью 1996 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=lbF3Qz1PHoM&t=1407s> (дата обращения: 20.06.2018).

21. Хроника внешнеполитических событий в СССР / Международный Фонд социально-экономических и политологических исследований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gorby.ru/archival/expocenter/vneshpolitika/show_29326/ (дата обращения: 20.06.2018).

22. Хрущев, Н. С. Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии 17 октября 1961 г. / Н. С. Хрущев. - М. : Госполитиздат, 1961. – 142 с.

23. Чистяков, Ф. Блуждающий биоробот [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.lyricsworld.ru/Fedor-CHistyakov/Bluzgdayuschiy-biorobot-601339.html> (дата обращения: 20.06.2018).

24. Щедровицкий, Г. П. Я всегда был идеалистом... / Г. П. Щедровицкий. – М. : Путь, 2001. – 365 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллахвердян А.Г. Динамика научных кадров в советской и российской науке : сравнительно-историческое исследование : середина XX - начало XXI вв. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.10 / Аллахвердян Александр Георгиевич; [Место защиты: Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН]. - Москва, 2015. - 372 с.
2. Аллахвердян, А. Г. Национальные интересы и принцип «остаточного финансирования» науки — несовместимы / А. Г. Аллахвердян // Вестник Российской академии наук. – 2002. – Т. 2, № 8. – С. 675–678.
3. Аллахвердян А.Г. Прекратился ли исход кадров науки? / А. Г. Аллахвердян // Вестник Российской академии наук. – 2003. – Т. 3, № 3. – С. 205–210.
4. Бастракова, М. С. Становление советской системы организации науки (1917–1922) / М. С. Бастракова. – М. : Наука, 1973. – 294 с.
5. Безбородов, А. Б. Диссидентское и правозащитное движение в СССР (к истории и историографии проблемы) / А. Б. Безбородов, Е. И. Пивовар // Рабочий класс и общественное обновление: Итоги и задачи изучения. – Уфа, 1991. – С. 3–28.
6. Бовин, А. Е. Перестройка: правда о социализме и судьба социализма / А. Е. Бовин // Иного не дано : судьбы перестройки, взгляды на прошлое, возвращение к будущему / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. - М. : Прогресс, 1988. – 674 с.
7. Вайль, П. Л. 60-е. Мир советского человека / П. Л. Вайль, А. А. Генис. – Москва : АСТ, Corpus, 2018. – 429 с.

8. Вебер, М. Исследования по методологии наук / М. Вебер. – М. : АН СССР Институт информации по общественным наукам, 1980. – 48 с.
9. Водзинская, В. В. О социальной обусловленности выбора профессии / В. В. Водзинская // Социальные проблемы труда и производства. Советско-Польское сравнительное исследование. – Москва-Варшава: Наука, 1966. – С. 30-52.
10. Галанина, Е. В. Миф как феномен современной культуры / Е. В. Галанина // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 305. – С. 50-52.
11. Григорьев, О. В. Эпоха роста : лекции по неэкономике : расцвет и упадок мировой экономической системы / О. В. Григорьев. – М. : Карьера Пресс, 2014. – 433 с.
12. Долгий В. М. Народный депутат Андрей Сахаров. 1989 год : Размышления двадцать лет спустя / Долгий В. М. ; Фонд Андрея Сахарова ; Архив Сахарова. – М., 2009. – 50 с.
13. Журавлев, И. А. Формирование многопартийной системы в Российской Федерации (вторая половина 1980-х - начало 90-х гг.) : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.01 / Журавлев Игорь Анатольевич. – Москва, 1993. – 30 с.
14. Заволожина, А. С. Историческая память о диссидентском движении в СССР в 1960-1980-х годах: к методологии вопроса / А. С. Заволожина // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». – 2017. – №2 (8). – С. 132-139.
15. Здравомыслов, А. Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / А. Г. Здравомыслов. – 2-е изд., доп. – М. : Аспект Пресс, 1995. – 317 с.

16. Зенина, М. Р. Материальное стимулирование научного труда в СССР (1945–1985) / М. Р. Зенина // Вестник Российской академии наук. – 1997. – Т. 67, № 1. – С. 20–27.
17. Зильберман, Д. Православная этика и материя коммунизма / Д. Зильберман. – Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2014. – 256 с.
18. Зотова, З. М. Политические партии России / З. М. Зотова. – М. : Российский центр обучения избирательным технологиям, 2001. – 122 с.
19. Иванченко, А. В. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии / А. В. Иванченко, А. Е. Любарев; Нац. центр мониторинга демократических процедур. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2007. – 231 с.
20. Ивашников, К. В. Неформальные самодеятельные объединения в СССР : историко-культурный аспект. 1985-1991 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Ивашников Кирилл Владимирович; [Место защиты: Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ)]. – Москва, 2008. – 149 с.
21. Калабеков И. Г. СССР и страны мира в цифрах. Справочное издание / И. Г. Калабеков. – М., 2018. – 296 с.
22. Кара-Мурза, С. Г. Идеология и мать ее наука / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2002. – 253 с.
23. Кара-Мурза, С. Г. Кризисное обществоведение : курс лекций : Ч. 1 / С. Г. Кара-Мурза ; Центр проблемного анализа и гос.-упр. проектирования. – М. : Научный эксперт, 2011. – 455 с.
24. Кара-Мурза, С. Г. Кризисное обществоведение : курс лекций : Ч. 2 / С. Г. Кара-Мурза; Центр проблемного анализа и гос.-упр. проектирования. – М. : Научный эксперт, 2012. – 382 с.

25. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2013. – 432 с.
26. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием 2 / С. Г. Кара-Мурза, С. В. Смирнов – М. : Алгоритм, 2015. – 526 с.
27. Кара-Мурза, С. Г. После перестройки : Интеллигенция на пепелище родной страны / С. Г. Кара-Мурза. - М. : Былина, 1995. - 131 с.
28. Кара-Мурза, С. Г. Потерянный разум / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Эксмо : Алгоритм, 2005. – 735 с.
29. Кара-Мурза, С. Г. Советская цивилизация / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Эксмо, 2011. – 1198 с.
30. Клайн, М. Математика. Утрата определённости / М. Клайн. – М.: Мир, 1984. – 638 с.
31. Комиссаров, В. В. Движение любителей фантастики в провинциальном советском городе в 1980-е годы / В. В. Комиссаров // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – №2. – С. 22-27.
32. Коргунюк, Ю. Г. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие / Ю. Г. Коргунюк, С. Е. Заславский; под общей редакцией Ю. Г. Коргунюка; Центр прикладных политических исследований ИНДЕМ. – М. : ИНДЕМ, 1996. – 239 с.
33. Кордонский, С. Г. Сословная структура постсоветской России / С. Г. Кордонский. – М. : Общественное мнение, 2008. – 216 с.
34. Красильников, Д. Г. Власть и политические партии в переходные периоды отечественной истории (1917-1918; 1985-1993): опыт сравнительного анализа / Д. Г. Красильников. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. – 304 с.

35. Кугель, С. А. Изменение численности и структуры научных кадров / С. А. Кугель, Ю. С. Мелешенко, С. Р. Микулинский // Научно-техническая революция и изменение структуры научных кадров СССР. – М. : Наука, 1973. – 200 с.
36. Медведев, Ж. А. Солженицын и Сахаров. Два пророка / Жорес Медведев, Рой Медведев. - М. : Время, 2005. - 430 с.
37. Научное сообщество физиков СССР, 1950-1960-е годы: документы, воспоминания, исследования : Вып. 1. / Российская акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова ; сост. и ред.: В. П. Визгин и А. В. Кессених. – Санкт-Петербург : РГХА, 2005. – 719 с
38. Невоструева, А. Ф. Эволюция социальной сущности советской модели информационно-коммуникационного пространства в 1950-х–1980-х гг. / А. Ф. Невоструева // Власть. – 2013. – №7. – С. 63-67.
39. Никонова, С. И. Власть и интеллигенция: взаимодействие и (или) конфронтация (1965-1985 гг.) / С. И. Никонова // Известия АлтГУ. – 2008. – №4-3. – С. 179-186.
40. Пинаева, Д. А. «Помни: нужно много знать, чтобы стране полезным стать!»: о некоторых проблемах популяризации науки в СССР (на примере деятельности Всесоюзного Общества «Знание») / Д. А. Пинаева // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – №420. – С. 108-118.
41. Полежаев, Л. К. Перестройка, годы, лица... : Портр. и размышления / Л. К. Полежаев. – Омск : Закрытый клуб, 1996. – 207 с.
42. Поршнев, Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. – 2-е изд., доп. и испр. – М. : Наука, 1979. – 235 с.

43. Прайс, Д. Малая наука, большая наука / Д. Прайс // Наука о науке. Общая ред. и послесловие В. Н. Столетова. – М. : Прогресс, 1966. – С. 281–384.
44. Пыжиков, А. В. Хрущевская оттепель: 1953-1964 / А. В. Пыжиков. – М.: Олма-Пресс, 2002. – 512 с.
45. Руткевич, М. Н. О социальной структуре советского общества / М. Н. Руткевич // Социологические исследования. – 1999. – № 4. – С. 18-19.
46. Рыбас С. Ю. На смерть А.Н. Яковлева [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.whoiswho.ru/politdnevnik/item/?id=2041> (дата обращения: 20.06.2018).
47. Сазанов, Д. С. Трансформация общественно-политического сознания советской интеллигенции в период перестройки : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Сазанов Дмитрий Сергеевич; [Место защиты: Удмурт. гос. ун-т]. – Ижевск, 2012. – 24 с.
48. Симонова, А. В. Формирование космической мифологии как фактора развития научных исследований космоса в СССР и России / А. В. Симонова // Социология власти. – 2014. – №4. – С. 156-173.
49. Синявский, А. Д. Диссидентство как личный опыт [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/SINYAVSKY.HTM> (дата обращения: 20.06.2018).
50. Сломинская, Е. В. Теоретико-методологические вопросы изучения российской технической интеллигенции / Е. В. Сломинская // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2011. – №1. – С. 211-224.
51. Советские ученые : Очерки и воспоминания / сост. Г. Е. Павлова. – М. : Изд-во агентства печати "Новости", 1982. – 447 с.

52. Федченко, М.Н. Повседневная жизнь советского человека (1945-1991 гг.) : монография / М. Н. Федченко. – Курган : Курганский гос. ун-т, 2009. – 231 с.
53. Франк, С. Л. Этика нигилизма / С. Л. Франк // Вехи. Из глубины. – М. : Правда, 1991. – С.172-176.
54. Шелищ, П. Б. Динамика науки / П. Б. Шелищ; под ред. О. И. Иванова. – М. : Наука, Ленинградское отделение, 1981. – 141 с.
55. Шокарева, Т. А. Кадровый потенциал / Т. А. Шокарева // Наука в СССР: анализ и статистика. – М. : ЦИСН, 1992. – С. 38–57.
56. Шуваева О. М. Роль научной фантастики в процессах трансформации мировоззрения современного человека / О. М. Шуваева // Философия права. – 2017. – №1 (80). – С. 118-122.
57. Юревич, А. В. Социально-психологические особенности российского научного мышления / А. В. Юревич // Философия науки и техники. – 2003. – №1. – С. 287-308.
58. Яницкий, О. Н. Эволюция экологического движения в современной России / О. Н. Яницкий // Социологические исследования. – 1995. – № 8. – С. 15-25.
59. Яницкий, О. Н. Экологическое движение и контекст становления гражданского общества в посттоталитарной среде / О. Н. Яницкий // Социологические исследования. – 1992. – № 12. – С. 40-51.